

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Институт иностранных языков и культур
Отделение славистики

Сборник Г. В. Иванова «Розы» (1931) в эмигрантской критике

Бакалаврская работа
студентки отделения славистики
Карины Ефимовой

Научный руководитель —
М. В. Боровикова, PhD

Тарту 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Ранняя репутация Г. Иванова	7
1.1. Репутация поэта с 1911 по 1921	7
1.2. Репутация поэта в эмиграции до выхода сборника «Розы» (1931)	10
Глава 2. Стихотворения сборника «Розы» в прижизненной критике	13
2.1. История журнальных публикаций стихотворений, вошедших в сборник «Розы»	13
2.2. Анализ критических отзывов на ранее опубликованные стихотворения из сборника «Розы» в журнале «Числа» и «Современные записки»	16
2.3. Рецепция сборника стихотворений «Розы» в эмигрантской критике	34
Заключение	44
Список использованной литературы	47
Приложение 1. Рецензии на стихотворения Г. Иванова, опубликованные в журналах «Числа» и «Современные записки» в 1930 г.	53
Приложение 2. Рецензии на сборник стихотворения Г. Иванова «Розы» (1931). ..	56
Resümees	64
Autorsuse kinnitus	65
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks	66

Введение

Настоящая работа посвящена анализу реакции современников Георгия Иванова на его поэтический сборник «Розы», вышедший в Париже в 1931 г. Г. Иванов считается одним из крупнейших поэтов русской эмиграции, но такая его репутация сформировалась далеко не сразу. Его дебютные сборники (опубликованные еще в Петербурге) воспринимали, скорее, как второстепенные, в его стихотворениях современники чувствовали заурядность и вторичность, и в то время мало кто мог предположить, что из Иванова выйдет что-то большее, чем среднестатистический поэт. До эмиграции Иванов имел прочную репутацию последователя «гумилевской школы», не бесталанного, но не имеющего собственного яркого голоса. Однако в эмиграции его творчество претерпевает серьезные изменения, что постепенно приводит и к сдвигам в его репутации — поэт как будто наконец смог найти себя, обрести «голос». Поворотной точкой в этом становится выход сборника «Розы». Поэтому мы считаем, что внимательное изучение критических отзывов на сборник поможет нам лучше понять, как именно складывалась репутация Г. Иванова и что в его стихах оказалось созвучно ожиданиям современников.

Описанная выше особенность поэтического пути Г. Иванова уже не раз привлекала к себе внимание исследователей. Н. А. Богомолов, автор статьи «Талант двойного зренья» — небольшой, но важной работы о творчестве Г. Иванова [Богомолов 1999б], — пишет, что при прочтении произведений Иванова читатель теряется, так как возникает ощущение, что поэт имеет несколько лиц: «Когда перед тобой лежат стихотворения Иванова, достаточно полно собранные, когда читаешь его прозу, создается впечатление, что образ автора все время двоится или троится, не совпадает сам с собой» [Богомолов 1999б: 133–134]. Это неудивительно, так как его ранние стихи значительно отличаются от его поздних текстов, в итоге эти образы очень сложно соединить воедино, поскольку творчество поэта соотносится с разными этапами его жизни. Непросто это было сделать и современникам, которые были непосредственными свидетелями этих изменений и не всегда успевали на них вовремя среагировать. Выявить некоторую тенденциозность в откликах современников также станет одной из задач нашей работы.

Для сбора исследований о творчестве и жизни Георгия Иванова нами была использована статья О. С. Кочетковой «Оценка творчества Георгия Иванова в современном литературоведении» (2017) [Кочеткова: 29–31]. Творчество Г. В. Иванова является частым предметом исследовательского интереса. За последнее время были написаны две важные для исследователей творчества Иванова монографии: В. П. Крейда «Георгий Иванов» (2007) и А. Ю. Арьева «Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование» (2009), в которой не только рассматривается творческая биография Иванова, но и публикуются ранее неизвестные и до этого недоступные материалы о жизни поэта. Работа А. И. Чагина «Расколота лира» (1998) посвящена исследованию поэтики Георгия Иванова. В ней также много места уделено попыткам восстановить литературные взаимоотношения Г. Иванова и В. Ходасевича. Важным вкладом в изучение творчества и биографии Иванова стала Международная научная конференция, посвященная 50-летию со дня смерти Г. В. Иванова, прошедшая в Москве (в Литературном институте имени А. М. Горького) в 2008 году. По ее материалам в 2011 г. вышел сборник «Георгий Владимирович Иванов 1894–1958: Исследования и материалы: Международная научная конференция», благодаря которому широкому профессиональному сообществу стали доступны редкие фотоматериалы, неизвестные письма и произведения Иванова [ГВИ]. В монографию вошли статьи таких исследователей, как: А. И. Чагин, О. Е. Елагина, Н. М. Солнцева — поэтика; Н. Ю. Грякалова, С. Р. Федякин — мемуары; О. Ронен, И. Н. Иванова — обзор творчества в целом; И. А. Тарасова, А. Ю. Арьев, Р. Р. Кожухаров, Ю. В. Розанов, О. В. Постоянцева — отдельные вопросы творчества Иванова.

В 1990-х гг. появляются первые диссертационные исследования о Георгии Иванове, в которых поднимались вопросы его творческой эволюции (Е. А. Алекова, работа «Поэзия Георгия Иванова периода эмиграции: проблема творческой эволюции» 1994), особенности поэтики раннего творчества (И. Н. Иванова, «Ирония в художественном мире Георгия Иванова» 1998), эволюция поэтической системы Георгия Иванова (Ю. В. Несынова, 2007), истинное место в русской литературе поэта, творчество которого перекликалось с другими поэтами (Н. А. Кузнецова «Творчество Георгия Иванова в контексте русской поэзии первой трети XX века» 1999),

специфические индивидуальные черты поэтики (Е. А. Якунова, «Своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова» 2004), принадлежность Георгия Иванова к различным литературным течениям (Н. А. Богомолов, «Талант двойного зренья: Творческий путь Г. Иванова» 1989) и многое другое. Важно отметить вступительную статью Е. В. Витковского «Жизнь, которая мне снилась» (1993) в трехтомном собрании сочинений Георгия Иванова, которое на настоящий момент является наиболее полным собранием сочинений поэта.

Немалое количество литературоведческих трудов, посвященных жизни и творчеству Георгия Владимировича Иванова, дает понять, что поэт значим для русской литературы и культуры XX–XXI веков. Таким образом, разнообразность научных исследований о жизни и творчестве Георгия Иванова отражает его особое место в литературоведении, но всё же многие аспекты его творчества до сих пор недостаточно изучены. Во многих работах рассматриваются в общих чертах отзывы современников Г. Иванова на его творчество, но конкретно работ, фокусирующихся на детальном разборе репутации Иванова, нами найдено не было. Мы хотим восполнить этот пробел, подробно рассмотрев историю критических отзывов на сборник «Розы». Наш выбор материала обусловлен тем, что именно «Розы» единогласно признаны поворотной точкой в развитии репутации Иванова.

В нашей работе мы остановимся только на журнальной/газетной критике и посмотрим, во-первых, что предшествовало отзывам на стихотворения из «Роз» в периодике 1930 г.; во-вторых, рассмотрим отдельные рецензии на сам сборник.

Работа будет состоять из двух глав. В первой главе мы кратко рассмотрим раннюю репутацию поэта с первого сборника стихов до начала эмиграции, опираясь на книгу А. Ю. Арьева «Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование» (2009). Вторая глава будет разделена на три части, из которых в первой подглаве будет подробно рассмотрена история журнальных публикаций стихов, которые впоследствии вошли в сборник «Розы», и история знакомства критиков с этими текстами. Вторая подглава будет посвящена анализу самих критических отзывов на стихотворения из «Роз», опубликованных в периодике еще до выхода их отдельной

книгой. В третьей подглаве будут рассмотрены отзывы на сам сборник «Розы» и показана роль рецензии З. Гиппиус в сломе сложившейся репутации поэта.

В заключении мы подведем итоги нашей работы и наметим перспективы возможного дальнейшего исследования. Также к работе будет приложен полный список рецензий на стихи из сборника «Розы» (и на публикации в периодике, и на сам сборник) со ссылками на интернет-публикации. Малодоступные тексты будут приведены в Приложении целиком.

Глава 1. Ранняя репутация Г. Иванова

1.1. Репутация поэта с 1911 по 1921

Рецепция современников раннего творчества Иванова подробно описана в книге А. Ю. Арьева «Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование». Большинство литераторов первые стихотворения петербургской поры Иванова казались скорее «неприятными» и мало кому «нравились». Хотя в одаренности молодого поэта редко кто мог сомневаться [Арьев 2009: 20].

Первый сборник стихов «Отплыть на о. Цитеру», вышедший в 1911 г., вызвал несколько отзывов, из которых два очень сильно повлияли на дальнейшую литературную судьбу автора — это рецензии Гумилева в «Аполлоне» (1912, № 3–4, с. 101) и Брюсова в «Русской мысли» (1912, № 7) [Там же: 204, 206]. Гумилев и Брюсов оба писали, что Иванов совершенно явно находится под влиянием М. Кузмина и очень высоко оценили стиль поэта: Брюсов отметил, что юный Иванов умеет «выдерживать» стиль, а Гумилев, что у начинающих поэтов редко можно увидеть стих таким утонченным [Гумилев 1912: 101]. Приведем здесь полный отзыв Н. С. Гумилева:

Первое, что обращает на себя внимание в книге Георгия Иванова — это стих. Редко у начинающих поэтов он бывает таким утонченным, то стремительным и быстрым, чаще только замедленным, всегда в соответствии с темой. Поэтому каждое стихотворение при чтении дает почти физическое чувство удовольствия. Вчитываясь, мы находим другие крупные достоинства: безусловный вкус даже в самых смелых попытках, неожиданность тем и какая-то грациозная «глуповатость» в той мере, в какой ее требовал Пушкин. Затем развитие образов: в стихотворении «Ранняя весна» «в зелени грустит мраморный купидон», но грустит не просто, как он грустил в десятках стихотворений других поэтов, а «о том, что у него каменная плоть». В другом стихотворении: солнце «своим мечем — сиянием пышным — землю ударило плашмя». Это указывает на большую сосредоточенность художественного наблюдения и заставляет верить в будущность поэта. В отношении тем Георгий Иванов всецело под влиянием М. Кузмина. Те же редкие переходы от «прекрасной ясности» и насмешливой нежности восемнадцатого века к восторженно звонким стихам-молитвам. Но, конечно, подражание уступает оригиналу и в сложности, и в силе, и в глубине [Гумилев 1912: 101].

Однако, были и негативные отзывы — Екатерина Уманец, редактор-издатель журнала «Светлый луч», иронически отозвалась на сборник. Ей казались неуместны такие рифмы Иванова как «экстаз и слилась, Дианин и странен» и многие другие, а также она считала, что название сборника выбрано неподходящее. Уманец отмечает,

что всего шесть стихотворений из всего сборника можно считать «более или менее сносными» [Арьев 2009: 207–208].

Эстетически индифферентная пресса отозвалась об «Отплыть на о. Цитеру» жестче всех. Также не признавая за Ивановым оригинальности, критик Вадим Лесовой в петербургской газете «Голос Земли» (1912, № 21, 30 янв.) приписал Иванова к «альбомной поэзии» сорокалетней давности и давно устаревшему «модернизму дурного тона»:

В «эпиллоге» своих поэт г. Иванов рекомендует себя человеком «дерзким», «смелым» и новым <...>. Увы! — это очевидное недоразумение: г. Иванов не только не «иной» и «не единственный», но даже и не седьмой. <...> В подобном стиле, лет сорок назад, писались стишки в альбомы провинциальным барышням. Лирические тенора на всех эстрадах расппевают:

Что плакать о любви несчастной,
Когда огонь в крови горит! (стр. 6)

А г. Иванов уверяет, что это — «футуризм»! <...> Все это — потертые пятаки, обычные блески модернизма дурного тона. Все это мы тысячу раз слышали... (цит. по: [Арьев 2009: 208–209]).

На сборник «Горница» (1914 г.) вышло мало откликов, но среди немногих отзывавшихся был М. Кузмин с достаточно жесткой рецензией, благодаря которой, по мнению Арьева, у Иванова сложилась устойчивая репутация поэта «с достаточным мастерством пишущего никому не нужные стихи» [Там же: 209–210]. Об этом прямо написал В. Шершеневич: «Я думаю, что книга Г. Иванова, просто, не нужная книга» («Новая жизнь». 1914, № 10, с. 156–157) (цит. по: [Арьев 2009: 209]). Михаил Кузмин, рецензируя «Горницу» и подробно разбирая образ автора в стихах сборника, назвал его «внешним и фиктивным»:

Столичный подросток, бродячий актер, нежный хулиган, мечтающий о морских путешествиях, недостаточно сильный для авантюриста, слышавший из пятых рук о Вийоне, Рембо и Верлене, дружный сентиментальной и подозрительной дружбой с портовыми рабочими, старающийся быть «в меру нежным, в меру грубым», пишущий сонеты в 15 строк и незатейливые баллады, оканчивающиеся резвым *envoie*: <...> похожим на капризы Мюссе и Лафорга, слегка подкрашенный, представляющийся пьяницей, но которого, вероятно, тошнит после третьей рюмки, печальный озорник, который того гляди расплачется.

Позиция, могущая привести в ужас родителей и опекунов этого мальчика, но которая для искусства могла бы быть плодотворной, если бы этот образ не оставался внешним и фиктивным (цит. по: [Арьев 2009: 210]).

А в еженедельнике «Голос жизни» (1914, № 2) в статье без подписи говорилось о «Горнице», как о «пустой горнице», так как чувств и мыслей в ней нет, но при этом тоже отмечалось, что она «построена хорошо» [Там же].

В том же самом отзыве на «Горницу» в «Голосе жизни» (1914, № 2) было написано и о «Памятнике Славы» (1915), следующем сборнике Иванова. Отмечается, что стихи в нем намного лучше, чем в «Горнице» [Арьев 2009: 212]. Сергей Городецкий тоже посчитал, что в «Памятнике Славы» поэт стал намного сильнее, чем в «Вереске». Однако газетная критика в своей массе отзывалась на этот сборник безжалостно. «Речь» (1915, № 176, 29 июня) писала, что «всё это не творчество, а пустозвонная словесность» (цит. по: [Там же: 213]).

В 1916 г. появилось первое издание «Вереска», которое закрепило за Ивановым славу умелого стихотворца и посредственного поэта. Гумилев писал, что в этом сборнике Г. Иванов предстает перед читателем умелым мастером стиха, а сами стихи пленяют читателя, но в нем нельзя встретить прежней простоты. Поэт здесь только видит и описывает, и никаких чувств в «Вереске» нет [Гумилев 1916: 27–28]. Мысль о том, что Иванова нельзя назвать настоящим поэтом, присутствует всюду, как в доброжелательных, так и в осуждающих отзывах [Арьев 2009: 214]. Например, поэт Константин Липскеров имел надежду на развитие таланта автора, а Городецкого «Вереск», напротив, привел в раздражение, но все они единодушны в мнении об умеренном поэтическом таланте Иванова.

В 1921 г. вышел следующий сборник — «Сады». А. Ю. Арьев, изучивший отзывы на него, резюмировал, что читатели восприняли этот сборник холодно, так как впечатление от прошлых книг автора сложилось неважное. Поэтому даже те, кто мог бы увидеть в «Садах» развитие поэта, отзывались о сборнике не лучшим образом. Например, Кузмин не видел какой-либо разницы между «Садами», «Вереском» и «Горницей» [Арьев 2009: 219], а Лев Лунц писал, что «в целом стихи Г. Иванова образцовы. И весь ужас в том, что они образцовы» [Лунц: 49]. Чуть не единственно сочувственно отозвавшимся критиком была Анна Радлова в газете «Жизнь искусства» (1921, 1 ноября) [Арьев 2009: 224].

В эмиграции сборник тоже прочитали и отозвались на него рядом рецензий — в рижском «Новом пути» (1922, 15 янв.), берлинской «Новой русской книге» (1922, № 2, с. 21) и в парижских «Современных записках» (1922, кн. XI, с. 368–379) [Арьев2009: 224–225]. Ю. Офросимов в журнале «Новая русская книга» (1922. № 2. С. 21.), как и критики в России, говорил о преобладании в стихах Иванова формы над содержанием:

Георгий Иванов принадлежит к той категории поэтов, у которых внешняя форма преобладает над содержанием. Музыкальный эффект, манерность и поза, а за всем этим пустота, пустота... <...> Конечно, как версификатор, как делатель стиха — Георгий Иванов достигает своего совершенства и в этом имеет свое лицо. Но стих, как переживание, как взметенная от глубины души часть самого себя — чужд и незнаком ему [Офросимов: 21].

Подводя итоги, можно сказать, что за годы жизни в Петербурге Г. Иванов издал несколько сборников стихов и за это время в критике успела сложиться стойкая схема их восприятия: как изящно, местами мастерски сделанных, но «пустых» по содержанию, «надуманных», лишенных истинного поэтического переживания. В критике сформировалась модель описания поэтики Иванова через подобие его стихов стихам других поэтов — как например М. Кузмина, О. Мандельштама, Н. Гумилева, А. Ахматовой, В. Иванова и А. Блока.

В следующей подглаве мы рассмотрим, какие изменения произошли в репутации Г. Иванова в эмиграции к 1930 г.

1.2. Репутация поэта в эмиграции до выхода сборника «Розы» (1931)

Георгий Иванов жил в Петербурге не очень долго — с 1907 по 1922 гг., в два раза дольше он прожил в Париже [Арьев 2009: 93]. В Европу он приехал по советской командировке вместе с Ириной Одоевцевой, причем эта поездка представлялась больше как чудесная авантюра, либо как свадебное путешествие. Они были уверены в том, что большевистский режим долго не продержится, но оказалось, что вернуться в Россию они не смогут, поэтому сначала им пришлось остаться в Берлине.

В первые годы жизни в Германии Иванов, как будто подводя итог предыдущему периоду своей жизни, перевыпускает старые сборники: в Берлине в 1923 г. выходят повторные издания «Садов» (начало года) и «Вереска» (конец года).

Чуть раньше выходит сборник «Лампада» (1922), задуманный еще в Петербурге, с подзаголовком «Собрание стихотворений. Книга первая», тоже намекающим на подведение итогов в творчестве поэта. В целом эти сборники не стали поворотными в репутации Иванова, хоть и были восприняты в эмиграции вполне благосклонно. Так, по поводу «Вереска» в берлинских «Днях» (1923, № 161, 13 мая) критик А. Б. (видимо, Александр Бахрах) писал, что новое издание «очаровывает своей изнеженностью и <...> эстетностью» [Бахрах: 13].

Во второй половине 1923 г. Г. Иванов и И. Одоевцева переехали в Париж. По словам А. Арьева примерно полтора года Г. Иванов сохранял внешнюю лояльность к Советской России, и еще в конце 1923-го — начале 1924 г. отправил в Россию специальное заявление «от участников “Цеха поэтов”», которое завершилось так: «Все мы смотрим на наше пребывание за границей, как на временную поездку, и полагаем, что наша деятельность здесь вполне совпадает с понятием лояльности, в которой мы ручались при выезде» (цит. по: [Арьев 2009: 103]). Поэт долгое время надеялся вернуться на родину, но обстоятельства сложились иначе. Г. Иванову все-таки пришлось принять тот факт, что Россия уже не будет такой, какой была до революции, попрощаться со старой жизнью и перейти к новому этапу.

В середине 1920-х гг. Г. Иванов пишет не очень много стихотворений, но ещё в Берлине с 1923 г. поэт начинает писать «беллетризованные литературные очерки»: с 1924 г. в парижской газете «Звено» появляются очерки о старом Петербурге — «Китайские тени», а в газете «Дни» с 1926 г. возникает рубрика «Петербургские зимы», которые в дальнейшем превратились в одноименную книгу. Эта проза вызвала волну в основном негативной критики [Арьев 2009: 103], хотя положительные отклики тоже были. Одним из первых критиков «Петербургских зим», вышедших в 1928 г., был Е. А. Зноско-Боровский, который в «Иллюстрированной России» (1928, № 47, 17 ноября) отмечал импрессионистичность прозы Иванова и пророчил ей долголетие [Там же: 233]. Петр Пильский в газете «Сегодня» писал, что книга «напоминает о том, что хотелось бы забыть, но нельзя. Пока эти главы появлялись отдельно, их видения проходили, пощипывая читательское сердце. Теперь они собраны, и разрозненные призраки сбежались, чтобы явить картину ужаса» [Пильский 1928: 4]. Также он

указывает на то, что хоть фигуры и охарактеризованы «колюче», но они правдивы, клеветы и карикатуры в них нет. Также положительно отозвался о «Петербургских зимах» Марк Алданов в «Современных записках» (1928, кн. XXXVII), называя дебют Иванова как прозаика «блестящим». Ему принадлежит и важная формула, описывающая творческий метод Иванова: несмотря на фактические ошибки, возникающая картина «исторически верна» [Алданов: 526–528].

В основном же отзывы были негативные. Перечислим здесь имена тех, кто оставил отрицательные отклики: Игорь Северянин, Марина Цветаева, Анна Ахматова [Арьев 2009: 103, 107–108]. Приведем здесь только слова А. Ахматовой в 1926 г., сказанные еще задолго до публикации «Петербургских зим» отдельной книгой:

...а когда Г. Иванов, который теперь пишет грязные статьи, не имея за собой ничего, не имея никакой другой стороны, кроме стороны недостатков — и очень грязных недостатков, стал входить в литературный мир, тщетно пытаясь подражать его участникам и подражать неудачно — до пародии, это было противно. <...> Что он глуп и скверен, безграмотен и бездарен — знали тоже все <...> он злился и втайне ненавидел, чтобы при случае сделать гадость. Так и оказалось. И сейчас он обливает помоями больше всех тех, кому он больше всего обязан... (цит. по: [Витковский: 25]).

Находясь в эмиграции, Иванов становится заметен и как критик. Он писал много рецензий, например: на «Золотой узор» Бориса Зайцева, на 33-ю и 35-ю книги «Современных записок», на произведения В. Сирина «Машенька», «Король, дама валет», «Защита Лужина» и «Возвращение Чорба», а также две критические статьи о литературной деятельности В. Ф. Ходасевича — «В защиту Ходасевича» и «К юбилею В. Ф. Ходасевича». Почти сразу критика Иванова обретает вес, на нее реагировали, хоть и в большинстве случаев негативно. Сам же Иванов так комментировал свою деятельность в письме к Роману Гулю: «Хуже всех пишу критику я — либо в ножки, либо в морду. Притом по темпераменту больше тянет в морду» (цит. по: [Арьев 2009: 155]). Как мы покажем ниже, литературная критика Иванова напрямую отразится на его репутации как поэта: современникам будет трудно игнорировать скандальные высказывания Иванова в адрес его коллег по цеху.

Глава 2. Стихотворения сборника «Розы» в прижизненной критике

2.1. История журнальных публикаций стихотворений, вошедших в сборник «Розы»

В первые годы эмиграции Иванов прославился больше мемуарами и полемикой, чем стихотворениями. Выход сборника «Розы» в 1931 г. стал поворотной точкой, своего рода «взрывом» в репутации Иванова [Арьев 2009: 5]. Именно после выхода «Роз» за стихами Иванова наконец большинством голосов литературного сообщества было признано не только высокое мастерство, о чем традиционно говорили и раньше, но и оригинальное и глубокое поэтическое содержание.

«Розы» были для читателей неожиданностью, так как, во-первых, по словам Г. П. Струве, после 1923 года, то есть после переиздания «Вереска» и «Садов», вплоть до 1931 г., Иванов почти не печатал стихов, а во-вторых, критики сохранили память о его предыдущей славе и заведомо относились к Иванову как к типичному последователю Гумилева. Однако по мнению ряда критиков и исследователей, в его новых текстах было что-то новое и удивительное [Струве 1996: 215; Арьев 2009: 103], что заставило читателей пересмотреть мнение о нем и привело к слому его репутации.

В сборник вошло 41 стихотворение, большинство из которых написаны во второй половине 1920-х гг., 13 из них датируются 1930 г. Парадокс заключается в том, что только четыре стихотворения увидели свет на страницах сборника впервые. Большая же часть текстов уже появлялась в периодической печати в 1928–1930 гг. Всего из 41 стихотворения «Роз» Ивановым ранее было опубликовано 37 текстов, причем три из них были напечатаны в четвертой книге «Цеха Поэтов» с датами 1922 («Так тихо гаснул этот день...», «Январский день. На берегу Невы...») и 1923 («Не спится. Зажечь свечу?...»). Вторично эти стихотворения публиковались в журнале «Звено» в 1926 и в 1928 гг. с некоторыми расхождениями. Остальные 34 стихотворения вышли в эмигрантских периодических изданиях, преимущественно в журнале «Современные записки», в газете/журнале «Звено» и в газете «Последние новости».

Сведем в таблице общее количество стихотворений из сборника «Розы», ранее опубликованных в периодике¹.

Названия периодических изданий и года публикаций ²	Число опубликованных текстов
Газета и журнал «Звено» (1924–1928)	Восемь в газете, два в журнале
«Современные записки» (1927, 1930)	Девять
«Последние новости» (1928–1930)	Шесть
«Числа» (1930)	Четыре
«Цех поэтов: книга 4-ая» (1922, 1923)	Три, позже опубликованы в журнале «Звено»
«Дни» (1926)	Два
«Благонамеренный» (1926)	Два
«Новый дом» (1927)	Одно

Как уже отмечалось ранее, Струве указывал, что «Розы» стали неожиданностью для читателей, так как после переиздания «Вереска» и «Садов» Иванов «на время перестал печатать стихи» [Струве 1996: 215]. Однако это не совсем правда, так как проанализировав публикаторскую активность поэта с 1924 г.³ по 1930 г. мы выяснили, что в этот период, по нашим подсчетам, было опубликовано 67 стихотворений в периодических изданиях. Стоит отметить, что его публикаторская активность неравномерна. Такая динамика может быть объяснена тем, что в эти годы Г. Иванов фокусируется больше на прозаических текстах, а именно на мемуарной и критической

¹ В таблице приведены **первые** публикации, так как часть стихотворений Г. Иванов впоследствии публиковал вторично в других журналах и газетах: например, три стихотворения из «Последних новостей» и одно из газеты «Звено» позже были опубликованы в «Числах».

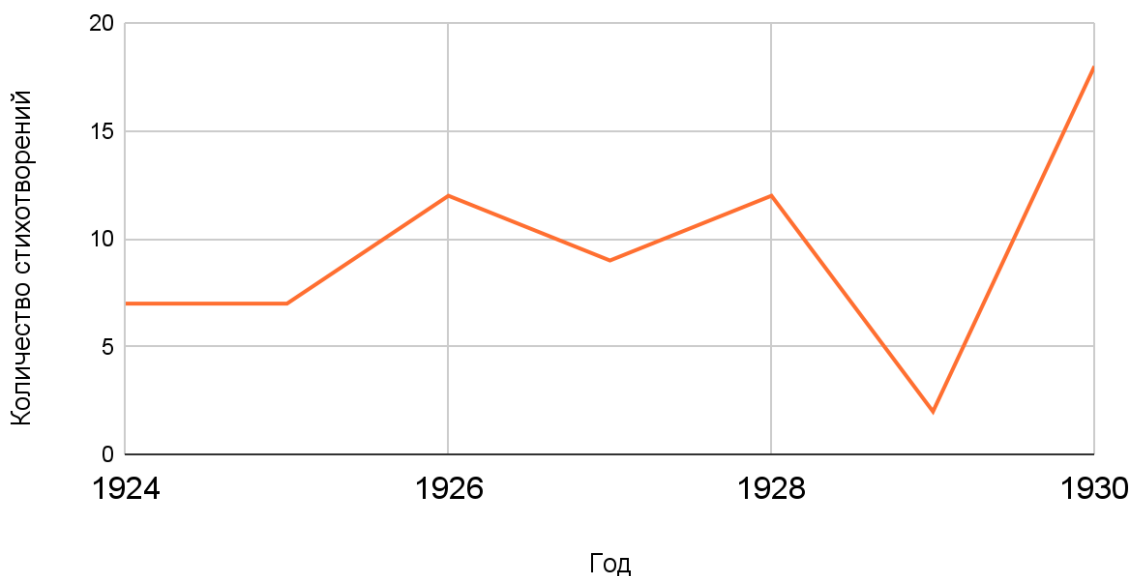
² Журналы расположены в таблице в убывающем порядке количества опубликованных текстов.

³ Подсчеты ведутся с 1924 г., так как в конце 1923 г. Иванов переиздает «Вереск».

прозе⁴. Из-за такого сдвига, скорее всего, у современников Иванова и сложилось впечатление, что поэт почти перестал публиковать стихи в периодических изданиях.

Ниже приведен график, на котором видна динамика публикаторской активности Георгия Иванова с 1924 по 1930 г.

Количество опубликованных стихотворений по годам

По нашим подсчетам за 1930 г. Ивановым было опубликовано около 18 стихотворений, среди которых были не только новые, никому до этого неизвестные тексты, но и ранее уже публиковавшиеся. По сравнению с предыдущими годами мы видим некоторое повышение его активности именно перед выходом «Роз», причем тексты за 1930 г. составляют примерно $\frac{1}{4}$ от всего количества опубликованных стихов за период 1924–1930 гг. Из 18 опубликованных в 1930 г. стихотворений (в «Числах»

---

⁴ Прозаические тексты, написанные в период с 1923 г. по 1929 г.: «Почтовый ящик» (1923), «Китайские тени» (1924–1930), «Борис Зайцев» (1926), «Петербургские зимы» (литературные фельетоны в периодике: 1926, книга: 1928), «Современные записки». Книга XXXIII» (1927), «В защиту Ходасевича» (1927), «Невский проспект» (1928), «Современные записки». Книга XXXV» (1928), «Третий Рим» Роман, ч. 1. (1929).

— 9 текстов⁵, в «Современных записках» — 8, и одно стихотворение вышло в «Последних новостях») в «Розы» вошли почти все — 16 стихотворений.

Среди публикаций одиночных текстов или небольших групп по два-три стихотворения, выделяются две крупные подборки стихов 1930 года — своего рода два «мини-цикла» в девять («Числа» 1930, № 1) и шесть («Современные записки» 1930, кн. XLIV) стихотворений — это последнее, что опубликовал Иванов перед выходом «Роз» — как бы анонсируя его появление. Заметим, что в сумме они составляют примерно 1/3 всего сборника.

Несмотря на то, что опубликованные подборки почти целиком состоят из текстов, вошедших потом в «Розы», сильного сдвига в восприятии не произошло, критика не увидела в стихотворениях Иванова ничего новаторского, по-прежнему видела в нем скорее последователя Гумилева (или других поэтов), нежели самостоятельного поэта. Кроме того, репутация «злого» критика затмевает его репутацию поэта и влияет на восприятие его стихов.

Мы изучили рецензии на публикации Иванова в «Числах» и «Современных записках» за 1930 г. и в следующей главе проанализируем их.

2.2. Анализ критических отзывов на ранее опубликованные стихотворения из сборника «Розы» в журнале «Числа» и «Современные записки»

Георгий Иванов незадолго до выхода «Роз» (в 1930 г.) опубликовал в эмигрантской периодике две крупных подборки из стихотворений, которые позже войдут в «Розы» — своего рода два отдельных цикла. Это публикации в «Числах» (13 марта 1930 г., № 1) — девять текстов, и в «Современных записках» (29 октября 1930 г., кн. XLIV) — шесть текстов. Стоит отметить, что состав и композиция этих циклов не соответствуют композиции будущего сборника «Розы». Но в настоящей работе мы не будем останавливаться на этом подробно, нас в первую

---

⁵ Неудивительно, что Георгий Иванов в основном публикуется в 1930 г. именно в «Числах», так как именно в этом году поэт становится сотрудником журнала, выход которого поддержали Мережковские [Арьев 2009: 109].

очередь будет интересоваться то, что эти подборки предвосхищают будущий сборник. Нашей задачей будет рассмотреть реакцию критики на эти «циклы» и сравнить ее с оценкой тех же текстов в составе книги стихов.

Можно было ожидать, что эти подборки, почти целиком состоящие из новых стихов, всего через год в составе сборника оцененных читателями и рецензентами очень высоко, вызовут повышенный интерес критики. Действительно, они не остались незамеченными — в сумме на них вышло шесть рецензий: четыре на подборку в «Числах» и две — на публикацию в «Современных записках». Но никакого переворота в оценке творчества Иванова они не показали.

Некоторые рецензенты называют стихотворения Иванова удачными и хорошими, но не более. Другие же — согласно уже сложившейся критической традиции, которую мы описывали в первой главе, — вновь называют Иванова умелым подражателем известных и значимых поэтов. В этих рецензиях нами отмечена еще одна тенденция: во многих из них об Иванове говорится в первую очередь как о критике (причем с сомнительной репутацией), и лишь потом — как о поэте.

Далее мы подробно рассмотрим и проанализируем отзывы на обе эти подборки. Все отзывы собраны нами в приложении к работе.

В первом номере «Чисел», вышедшем 13 марта 1930 г., Иванов публикует подборку из девяти стихотворений: «Перед тем как умереть...» (1930), «Медленно и неуверенно...» (1928), «Когда-нибудь и где-нибудь...» (1928), «Утро было как утро. Нам было довольно приятно...» (1930), «Хорошо, что нет Царя...» (1930), «Все розы, которые в мире цвели...» (1929), «Над розовым морем вставала луна...» (1925), «От синих звезд, которым дела нет...» (1925) и «Синий вечер, тихий ветер...» (1930). Восемь текстов вошли в «Розы», не вошло лишь стихотворение «Над розовым морем вставала луна...». На эту подборку нами было найдено четыре отклика: М. Слонима в «Воле России»⁶, А. Луганова (Е. С. Вебер-Хирьяковой) в варшавской газете

---

⁶ «Воля России» — ежемесячный журнал политики и культуры, основанный эсерами; основное внимание уделялось идеологии, политике и общественным вопросам, культуре отводилось меньше места в журнале. [Зверев: 135].

«За свободу!»⁷, В. Ходасевича в «Возрождении», С. Наляянча⁸ (С. И. Шовгенова) в «За свободу!».

Первый отклик о мини-цикле из девяти стихотворений появился в № 3 журнала «Воля России» (автор — М. Слоним). В целом статья была одобрительная, но все же она не демонстрирует никакого переворота в отношении к Иванову. Критик просто называет стихи Иванова в ряду других «хороших стихов»: «в отделе стихов <...> хорошие стихи А. Ладинского, Г. Иванова, Н. Оцупа» [Слоним: 302].

Интересно, что целых две рецензии на «Числа» с ивановскими стихами опубликовала варшавская газета «За свободу!». Публикация двух отзывов на один журнал не вполне обычна сама по себе, но этот случай особенно заметный: две заметки, вышедшие с разницей в месяц, были противоположны как в своих оценках творчества и критической деятельности Иванова, так и журнала в целом. Об этом казусе несколько месяцев спустя писала З. Гиппиус, в свое время сотрудничавшая с газетой «За свободу!»: «К сожалению, эта газета отличается литературной беспризорностью: там в соседних №№ можно встретить две статьи об одном и том же, и — абсолютно противоположного содержания» [Гиппиус: 539].

Действительно, критику Андрею Луганову (Е. С. Вебер-Хирьяковой) понравились стихи Иванова, хотя он тоже не останавливается на них подробно, лишь сочувственно цитирует одно стихотворение [Луганов: 3]. А в вышедшей месяц спустя рецензии Сергея Наляянча (С. И. Шовгенова) стихи Иванова подробно разбирались в лучших традициях отзывов на его доэмигрантские сборники — как пустые и подражательные [Наляянч: 3].

Критик считает, что все поэты, кроме Гиппиус, опубликованные в «Числах» выступили слабее своего нормального уровня. Он отмечал у всех невысокую технику стиха, а также говорил об отсутствии развития и новаторства у современных поэтов,

---

⁷ «За свободу!» — варшавская ежедневная общественно-политическая газета, ориентацией которой были антибольшевизм, неприязнь к либеральной и монархической эмиграции; в основном основное внимание уделялось на злободневные проблемы общества [Петрова: 240].

⁸ Сергей Иванович Наляянч (1898–1979) — настоящая фамилия Шовгенов, является русским эмигрантским поэтом и публицистом, был членом объединения виленских поэтов. Подробнее см. [Лавринец: 63–76].

предрекая, что это в итоге приведет к весьма невеселому положению эмигрантской поэзии [Нальянч: 3]. Все это критик распространял и на поэтическую подборку Г. Иванова. Нальянч сравнивает Иванова с литераторами ушедшей эпохи, но даже не с эпохой символистов, а с литературой конца XIX века:

Работа лучших мастеров стиха, создавших новую технику, к сожалению, не находит продолжателей в лице наших современных поэтов, которые пишут так, будто после Надсона, Апухтина и разных Кругловых, Порфириковых, Коринфских, Лихачевых, Медведевых и Фофановых не было Гумилева, Брюсова, Сологуба, Бунина [Там же].

Нальянч отказывает стихам Иванова в праве называться поэзией: «“Перед тем, как умереть, надо же глаза закрыть. Перед тем, как замолчать, надо же поговорить” (Г. Иванов). На стихи мало похоже!» [Там же], а далее и вовсе насмехается над их поэтикой.

Стоит остановиться ещё на одной мысли в статье Нальянча — критик говорит о том, что новый журнал оказался по составу вовсе не новым. Его поэтический отдел занят все теми же авторами, которые постоянно печатаются в других толстых журналах, преимущественно в «Современных записках», что, с одной стороны, не оставляет шансов на публикацию для молодых авторов, а с другой, заведомо лишая конкуренции, вредит качеству стихов «именитых поэтов»:

Гиппиус, Адамович, Иванов, Ладинский, Оцуп, Поплавский — вот «парад-алле», которым открывается новый «толстый» журнал эмиграции. Все это поэты, завоевавшие не только признание читателей и критики, но также и постоянные места в «толстых» журналах, главным образом, в «Современных записках». Но такое монопольное положение на эмигрантском парнасе отзывается самым неблагоприятным образом на творчестве наших «избранников». Отсутствие конкуренции при твердой уверенности, что под каждым листком «Современных записок» им всегда будет уготован и стол и дом, как бы слабо ни было стихотворение, — это обстоятельство привело к довольно оригинальному положению: для маленьких журналов и газет поэты работают добросовестно <...>, а солидным изданиям будто бы спихивают все наиболее слабое и залежавшееся [Там же].

Нальянч был не единственный, кто после выхода «Чисел» говорил о том, что в поэтической части журнал оказался повторением «Современных записок», что лишило новый журнал шансов на то, чтобы найти новую поэтическую тему. Об этом писал в своей статье, вышедшей примерно месяцем раньше, Владислав Ходасевич в газете «Возрождение» (1930, 27 марта): «<...> все шесть участников поэтического отдела — сотрудники “Современных записок”. Очень естественно, что если не

образовали они нового поэтического направления в “Современных записках”, то не образовали и в “Числах”» [Ходасевич 1930: 3].

Оба критика говорят об этом, конечно, не случайно — они отвечают на амбициозное заявление редакции «Чисел», которое содержалось в открывающей номер заметке. Вот что в ней говорилось:

<...> заметные и достаточно крупные события <...> начинаются иногда в связи с чисто внешним и по существу очень малым явлением, например, в связи с выходом какого-нибудь нового журнала. <...> Было бы нескромно со стороны организаторов «Чисел» утверждать, что вокруг новых сборников непременно возникнет что-то вполне новое и ценное. Но у нас есть надежды на это и думается, что эти надежды не так уж трудно обосновать [От редакции: 5].

Ходасевич, давая общую характеристику поэтического отдела в «Числах», отмечал, что журнал составлен со вкусом и плохих стихотворений в нем нет, но проблема в том, что нет и новых идей, которые двигали бы дальше литературу.

В этой рецензии Ходасевича также нашлось место и краткому, но язвительному отзыву на стихи Г. Иванова:

<...> новых идей поэтических нет и у других участников «Чисел»: ни у Ладинского, <...>; ни у Поплавского; ни у позднего акмеиста Г. Адамовича; ни у Г. Иванова, *о котором надо и сейчас повторить то же, что писал я лет восемнадцать тому назад: — изящные перепевы, преимущественно из Кузмина и акмеистов* <курсив наш — К. Е.> [Ходасевич 1930: 3].

Краткая характеристика Ходасевича выглядит убийственной в контексте претензий редакции журнала на создание «нового направления в поэзии». Стоит отметить, что Иванов не был членом редакции журнала, но принимал деятельное участие в его создании. Однако та часть отзыва, которая касается непосредственно Иванова, заслуживает отдельного комментария.

Говоря о своих прежних высказываниях об Иванове, Ходасевич, вероятно, отсылает читателей к своей старой рецензии на сборник Иванова «Вереск», вышедшей в 1916 г. Для усиления мысли о неактуальности поэзии Иванова критик уточняет, что писал об этом «уже 18 лет назад». Это, несомненно, перекликается с фразой из статьи «От редакции», в которой авторы тоже ведут подсчеты — сколько всего лет эмигрантской литературе: «Двенадцать лет эмиграции составляют, если не по

измерениям истории, то во всяком случае для каждой отдельной человеческой жизни, период достаточно длительный» [От редакции: 5].

Примечательно, что В. Ходасевич здесь намеренно утрирует давность своей рецензии — на целых четыре года. Он вряд ли мог забыть, что рецензия на «Вереск» вышла в 1916 г. Восемнадцать лет назад, то есть в 1912 г., вышла не рецензия Ходасевича, а первая книга Иванова — «Отплытие на о. Цитеру». А также рецензия Гумилева, который первым указал на влияние Кузмина на поэзию Георгия Иванова: «В отношении тем Георгий Иванов всецело под влиянием М. Кузмина. <...> Но, конечно, подражание уступает оригиналу и в сложности, и в силе, и в глубине» [Гумилев 1912: 101]. Брюсов тоже уже отмечал, что поэт явно находится под влиянием М. Кузмина. На это же указывал и М. Лозинский в 1912 г.:

Небольшой мир, раскрываемый в этой книге, только спутник старшей планеты — поэзии Кузмина. <...> Умение по-новому сопоставить и оживить уже привычные образы, способность к скульптурно-красочной передаче зрительных восприятий, все эти качества — верное оружие, на которое можно положиться [Лозинский: 29–30].

Но если раньше, в период юности поэта, ориентация на своего учителя выглядела как стремление преобразовать старые образы, и тем самым привнести новые идеи, то теперь все эти мотивы и приемы приелись и их обыгрывание не несет ничего нового.

При этом сам Ходасевич в своей статье о «Вереске» о влиянии Кузмина и акмеизма на Иванова прямо ничего не писал, а также он в ней не говорит о подражательности в поэзии Иванова, его претензии сводятся к другому. На 1912 год, как год дебюта Иванова и первой рецензии на него, вероятно, и намекает Ходасевич, тем самым как бы говоря, что в творчестве Иванова, в действительности, ничего не изменилось с самых первых полудетских стихов.

Поскольку острая полемика между Георгием Ивановым и Ходасевичем уже была подробно рассмотрена в работах Е. В. Витковского [28–32] и Н. А. Богомолова [1999а: 376–391], мы не будем подробно рассматривать всю биографическую канву их конфликта, но на рецензии Ходасевича 1916 г. остановимся немного подробнее.

Во многих рецензиях на сборник «Вереск» (1916) присутствует мысль, что Георгия Иванова, несмотря на его изящные стихи, вряд ли можно назвать настоящим поэтом. К примеру, В. М. Жирмунский отозвался о «Вереске» весьма сочувственно, но все же пессимистично:

Нельзя не любить стихов Георгия Иванова за большое совершенство в исполнении скромной задачи, добровольно ограниченной его поэтической волей. Нельзя не пожалеть о том, что ему не дано оформиться к художественному воплощению жизненных ценностей большей напряженности и глубины и более широкого захвата, что так мало дано его поэзии из бесконечного многообразия и богатства живых жизненных форм (цит. по: [Арьев 2009: 214]).

Однако из всех рецензий именно статья Ходасевича была самой обидной. Начав с преувеличенной, издевательской похвалы:

<...> когда Бальмонту было столько лет, и житейски, и литературно, сколько ныне Георгию Иванову, стихи его были куда неопытнее, беспомощнее. <...> У Георгия Иванова, кажется, не пропадает даром ни одна буква; каждый стих, каждый слог обдуман и обработан. Тут остроумно сыграл молодой поэт на умении описывать вещи; тут апеллирует он к антикварным склонностям читателя; тут блеснул он осведомленностью в живописи, помянув художника, в меру забытого и потому в меру модного; тут удачным намеком заставил вспомнить о Пушкине; где надо — показался изысканно-томным, жеманным, потом задумчивым, потом капризным, а вот он уже классик и академик. И все это с большим вкусом приправлено где аллитерацией, где неслыханной рифмой, где кокетливо-небрежным ассонансом: куда что идет, где что к месту — это все Георгий Иванов знает отлично. Он меняет костюмы и маски с такой быстротой и ловкостью, что сам Фреголи ему позавидовал бы [Ходасевич 1916],

Ходасевич заканчивает убийственной критикой:

Это не искусство, а художественная промышленность <...>. Стихи, подобные стихам г. Иванова, могут и должны служить одной из деталей квартирной, например, обстановки. Это красиво, недорого и удобно. Это надо бы назвать «индустризмом», что ли... [Там же].

В финале же критик считает, что Иванов станет настоящим поэтом: «<...> разве только если случится с ним какая-нибудь большая житейская катастрофа, добрая встряска, вроде большого и настоящего горя, несчастья. Собственно, только этого и надо ему пожелать»⁹ [Там же].

---

⁹ Эта фраза, вполне вероятно, отсылает к «Автобиографической заметке» Д. С. Мережковского, описывающей встречу с Ф. М. Достоевским. Мережковский читал ему свои детские стихи, на что Достоевский ответил: «Слабо, плохо, никуда не годится. <...> Чтoб хорошо писать — страдать надо, страдать!» [Мережковский: 111]. (За указание на эту параллель мы благодарим Л. Л. Пильд).

Н. А. Богомолов, анализируя причины конфликта между Ивановым и Ходасевичем, предположил и убедительно показал, что биографическая канва их вражды является лишь отражением более глубокой творческой полемики [Богомолов 1999а: 381]. Началом этого «диалога в стихах» между поэтами Богомолов считает стихотворение Иванова 1920 г. «Деревья, паруса и облака...»:

Деревья, паруса и облака,
Цветы и радуги, моря и птицы,
Все это веселит твой взор, пока
Устало не опустятся ресницы.

Но пестрая завеса упадет,
И, только петь и вспоминать умея,
Душа опустошенная пойдет
По следу безутешного Орфея.

Иль будет навсегда осуждена
Как пленница, Зюлейка иль Зарема,
Вздыхать у потаенного окна
В благоуханной роскоши гарема [Иванов 1994: 225].

По мнению исследователя, в нем Ходасевич мог узнать отражение собственных мотивов [Богомолов 1999б: 147; Богомолов 1999а: 384]. В этом стихотворении Иванов обращается к образу Орфея — одному из центральных в творчестве Ходасевича этого периода, и, безусловно, очень личному для него. Только высокую трагическую ноту Иванов маскирует экзотическими описаниями, как бы снижая образную систему Ходасевича. Богомолов писал:

Прямое упоминание Орфея открыто возводит все стихотворение к поэтике Ходасевича эпохи «Счастливого домика» и «Путем зерна», особенно к стихотворению «Века, прошедшие над миром...». Однако эту ориентированность на трагедийность Ходасевича Иванов предпочитает маскировать, окружая «опустошенную душу» роскошью красок и восточных имен [Богомолов 1999а: 384].

Приведем ниже это стихотворение:

Века, прошедшие над миром,
Протяжным голосом теней
Еще взывают к нашим лирам
Из-за стигийских камышей.

И мы, заслышав стон и скрежет,
Ступаем на Орфеев путь,
И наш напев, как солнце, нежит
Их остывающую грудь.

Былых волнений воскреситель,
Несет теням любой из нас
В их безутешную обитель
Свой упоительный рассказ.

В беззвездном сумраке Эреба,
Вокруг певца сплетясь тесней,
Родное вспоминает небо
Хор воздыхающих теней.

Но горе! мы порой дерзаем
Всё то в напевы лир влагать,
Чем собственный наш век терзаем,
На чем легла его печать.

И тени слушают недвижно,
Подняв углы высоких плеч,
И мертвым предкам непостижна,
Потомков суетная речь [Ходасевич 1989: 78–79].

Снижение образа Орфея, перевод разговора в другой «стилистический регистр» не могло не задеть Ходасевича и реакцией могло стать его стихотворение — «Ни розового сада», о чем пишет Николай Алексеевич. К нему мы еще вернемся, но пока хотим отметить, что стихотворная полемика 1920–1921 гг. никак не может объяснить резкость рецензии Ходасевича 1916 года. Тем не менее, нам кажется, что ее причина может быть найдена в самом сборнике «Вереск».

Стихотворение Иванова «Деревья, паруса и облака» 1920 г. не только развивает образность Ходасевича, как мы сказали выше, но и отсылает читателя к более раннему стихотворению самого Иванова об Орфее, которое было напечатано в «Вереске» в 1916 г. — «Кудрявы липы, небо сине...»:

**Кудрявы липы, небо сине,
Застыли сонно облака.
На урне надпись по-латыни
И два печальных голубка.**

Внизу безмолвствует цевница,
А надпись грустная гласит:
«Здесь друга верного гробница»,
Орфей под этим камнем спит.

Все обвил плющ, на хмель похожий,
Окутал урну темный мох.
Остановись перед ней, прохожий,
Пошли поэту томный **вздых**.

И после с грацией неспешной,
Как в старину — слезу пролей:
Здесь госпожою **безутешной**
Поставлен мопсу мавзолей [Иванов 1994: 148].

В начале обоих текстов сконцентрированы близкие образы природы: деревья, небо, облака, птицы, в том же месте — в конце второй строфы появлялся Орфей. Также в обоих стихотворениях есть лексические повторы «безутешный» и «вздых»: «По следу безутешного Орфея» и «Вздыхать у потаенного окна» (1920) — «Здесь госпожою безутешной» и «прохожий, / Пошли поэту томный вздох» (1916). Последние образы находят параллели в стихотворении Ходасевича «Века, прошедшие над миром» (1912) — «В их безутешную обитель» и «Хор воздыхающих теней»; вне зависимости от того, случайное это совпадение или нет, эти лексические конструкции должны были привлечь дополнительное внимание Ходасевича к анализируемым текстам.

На этом сходство между ними заканчивается, поскольку более раннее стихотворение, в отличие от текста 1920 г. — едкая эпиграмма: в самом конце текста оказывается, что Орфей в стихотворении совсем не поэт, а кличка мопса — «Здесь госпожою безутешной / Поставлен мопсу мавзолей».

Мы не знаем, что вызвало это стихотворение Иванова — оно посвящено М. Н. Бялковскому — сотруднику журнала «Лукоморье», но, как мы уже упомянули ранее, образ Орфея был исключительно важен для поэтического мира Ходасевича, который, по словам исследователя, использует его для создания и осуществления «своей концепции трагической природы поэтического дара» [Кочергина: 46]. Травестирование этого высокого образа не могло остаться незамеченным и можно предположить, что насмешка в конце ивановского стихотворения могла отчасти повлиять на резкость и тона Ходасевича.

В 1921 году Ходасевич получает сборник Сады, однако рецензии на него не пишет. Но благодаря его записи нам известно, что с чтением этого сборника связано создания стихотворения «Ни розового сада»:

Ни розового сада,
Ни песенного лада

Воистину не надо —
Я падаю в себя.

На всё, что людям ясно,
На всё, что им прекрасно,
Вдруг стала несогласна
Взыгравшая душа.

Мне всё невыносимо!
Скорей же, легче дыма,
Летите мимо, мимо,
Дурные сны земли! [Ходасевич 1989: 137]

Об этом тексте тоже подробно пишет Богомолов [1999а: 384–385]. К этому стихотворению Ходасевич сделал помету: «Накануне получил книгу Г. Иванова “Сады”» [Ходасевич 1989: 389]. Она позволяет однозначно трактовать как цитатные и «розовый сад» (отсылка к образности сборника «Сады») и рифму «ясно — прекрасно» (из унаследованной Ивановым от Кузмина «прекрасной ясности» [Кузмин: 5–10]), и соотнести выражение «воистину не надо» с ивановскими строками: «Мой милый друг, мне ничего не надо, / Вот я добрел сюда и отдохну» из стихотворения «Я вспомнил о тебе моя могила» из сборника «Сады».

Мы не можем не отметить, что в сборнике «Сады» стихотворение, с упоминанием Орфея — «Деревья, паруса и облака» — и «Я вспомнил о тебе, моя могила» расположены на соседних страницах; у нас не было возможности проверить оригинальный сборник, но в сборнике «Сады», опубликованном в трехтомнике Иванова, эти тексты стоят не просто рядом, а на одном развороте, что могло актуализировать воспоминание о могиле мопса по кличке Орфей.

Впрочем, Богомолов отмечает, что «все эти цитаты не находятся в такой прямой и непосредственной связи с текстом книги Иванова, чтобы без нее они были лишены резона» [Богомолов 1999а: 384–385]. Стихотворение Ходасевича вполне может восприниматься как самоценное, без знания о том, что оно написано после получения сборника Иванова. Соглашаясь с этим, мы все же хотели подчеркнуть, что в любом случае нельзя не заметить его полемического содержания. Оно утверждает некоторые принципы через отрицание чужих принципов, и на этом хотелось бы немного остановиться.

Стихотворение написано трехстопным ямбом — довольно редким размером, про который М. Л. Гаспаров писал, что на общем фоне русских размеров он всегда заметен [Гаспаров: 116]. Говоря о семантической окраске этого размера, Гаспаров выделяет тип, связанный с утверждением своего «кредо» [Там же: 148] — именно к этому типу и относится стихотворение Ходасевича. Причем кредо не только мировоззренческое, но и именно литературное: об этом с очевидностью говорят процитированные из знаменитой статьи Кузмина слова «прекрасно» и «ясно». Заметим, что не в рецензии на «Вереск», а именно в этом стихотворении Ходасевич сопоставляет на цитатном уровне Иванова и Кузмина.

Еще более выделяет это стихотворение его редкая рифмовка — АААХ (подряд три женских рифмы и четвертая мужская, нерифмованная). Редкое сочетание размера и рифмы тем не менее, как нам кажется, имеет предшественника: в 1916 г. в Петрограде в «Альманахе Муз» было опубликовано стихотворение В. Брюсова — «Город сестер любви»:

Неспешным ровным шагом,
По кочкам, по оврагам,
Зигзаги за зигзагом,
Иду, в мечтах пою.
Внимая скрытым сагам,
Березы, пышным стягом,
Спешат пред вещим магом
Склонить главу свою.

Играет ветер свежий
Вдоль зыбких побережий,
Где брошенные мрежи
И верши — часа ждут;
Но в грезах — страны те же,
Где бродит дух все реже;
Чертоги, вышки, вежи, —
Сестер Любви приют.

Кто видел этот **пестрый**
Кремль, — арки, своды, ростры,

—
Где вязь «Amicae nostrae»
В дверь тайника влечет?
Нострадымы, Калиостры,
Да те, чей разум острый,
Ласкать любили Сестры,
Кому являли вход!

Жду возжеленной встречи...
Чу! с башни слышны речи,
Во храмах блещут свечи...
Но миг — фантом исчез.
И вновь тропой овечьей,
Зигзагами поречий,
Иду вдоль синей гречи
Под пустотой небес!
[Брюсов: 259–260]

Альманах был заметным явлением в культурной жизни и с высокой степенью вероятности Ходасевич знал это стихотворение, написанное восьмистишиями с очень похожей рифмовкой — с той разницей, что у Брюсова рифмуются между собой 4-е и 8-е строки.

Стихотворение Брюсова говорит о поэте — он назван «вещим магом», который создает силой творческой фантазии целый город со сложной архитектурой («чертоги, вышки, вежи», «пестрый Кремль, — арки, своды, ростры»), но фантазия оказывается недолговечной, непрочной — фантом исчезает и над поэтом оказывается пустое небо.

На сборник «Альманах Муз» отозвался Мандельштам в «антисимволистской» рецензии, предположительно написанной осенью 1916 г., однако рецензия осталась неопубликованной, в которой нападает на Брюсова за символистский характер его стихов. Он называет поэзию Брюсова «полиявшей», «отошедшей с определенной эпохой», над которой поэтическая молодежь может теперь только весело посмеяться:

<...> Два стихотворения Брюсова в «Альманахе Муз» принадлежат к самой неприятной его манере и воскрешают весьма суетное литературное настроение, к счастью, отошедшее вместе с определенной эпохой. <...> Мишурная мантия ложного символизма совершенно вылиняла, потеряла всякий вид и по справедливости вызывает веселую улыбку поэтической молодежи [Мандельштам 1987а: 252].

Как нам кажется, стихотворение Брюсова могло вызвать такую отповедь Мандельштама, потому что само по себе уже содержало некоторый полемический выпад. Трудно предположить, что Мандельштам мог не обратить внимания на то, что образ города, созданного исключительно силой мечты и противопоставленного пустым небесам, почти повторяет образность его более ранней и к 1916 году неопубликованной статьи — «Утро акмеизма». Приведем некоторые фрагменты из этой статьи:

Какой безумец согласится строить, если он не верит в реальность материала, сопротивление которого он должен победить. Булыжник под руками зодчего превращается в субстанцию, и тот не рожден строить, для кого звук долота, разбивающего камень, не есть метафизическое доказательство.

<...>

Строить — значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство. Хорошая стрела готической колокольни — злая, потому что весь ее смысл — уколоть небо, попрекнуть его тем, что оно пусто [Мандельштам 1987б: 169–170].

Читать ее Брюсов не мог, и мы не можем утверждать, что он сознательно полемизирует именно с Мандельштамом, но можно предположить, что Мандельштам где-то рассказывал об идеях, которые изложил в статье. Но в любом случае Мандельштам должен был уловить «антиакмеистическую» направленность этого

стихотворения Брюсова, как, видимо, и Ходасевич, который для своего «антиакмеистического» высказывания берет форму стихотворения Брюсова.

Если наши предположения справедливы, то можно назвать стихотворение «Ни розового сада» заменой критическому высказыванию о сборнике «Сады», о котором, вероятно, и вспоминает Ходасевич, когда отзывается на стихи Иванова в «Числах». В этом стихотворении Ходасевич не принимает («Воистину не надо», «Вдруг стала несогласна / Взыгравшая душа. / Мне всё невыносимо!») наигранную, декоративную акмеистическую поэзию Иванова, и противопоставляет свое уединение цеховой политике акмеизма («Я падаю в себя»).

Необходимо отметить важную особенность почти всех рецензий: многие критики в своих отзывах переключаются с разговора о стихах Г. Иванова на его рецензию о В. В. Набокове «В. Сирин. “Машенька”. “Король, дама, валет”. “Защита Лужина”. “Возвращение Чорба”» (1930), опубликованную в том же первом номере «Чисел», что и рецензируемая подборка стихов. Очевидно, скандальность рецензии Иванова влияет на восприятие его текстов, опубликованных с ней под одной обложкой. Остановимся на этом важном эпизоде немного подробнее.

Рецензия поэта была уничтожающей и к тому же написана в очень резкой, почти хамской манере. Разоблачая Набокова, Г. Иванов заявлял: «Однако все-таки он самозванец, кухаркин сын, черная кость, смерд» [Иванов 1930а: 235]. Иванов упрекает Набокова в том, что он имитирует немецкие и французские образцы, которые, хоть и новы для русской литературы, но «по-французски и по-немецки так пишут почти все» [Иванов 1930а: 234]. Также он предъявляет претензии по поводу «Машеньки» и «Возвращения Чорба». Если «Защита Лужина» и «Король, дама, валет», по мнению поэта, ещё можно назвать достаточно хорошими и ловкими копиями, то «Машенька» и «Возвращение Чорба» (написанные до того, как Набоков освоил «имитаторскую» манеру) имеют в себе одну лишь пошлость:

Но, увы — кроме этих двух романов у Сирина есть «Машенька». И, увы, кроме «Машеньки» есть лежащая сейчас передо мной только что вышедшая книга рассказов и стихов «Возвращение Чорба». В этих книгах до конца, как на ладони, раскрывается вся писательская суть Сирина. «Машенька» и «Возвращение Чорба» написаны до счастливо найденной Сириным идеи перелицовывать на удивление соотечественникам «наилучшие заграничные образцы», и писательская его природа, не замаскированная

заимствованной у других стилистикой, обнажена в этих книгах во всей своей отталкивающей непривлекательности [Там же: 234–235].

Этот отзыв вызвал у многих критиков отвращение, но особенно ярко оно прослеживается в отклике Ходасевича. Нам важно рассмотреть отдельно эти отзывы, так как это был скандальный случай, который оказал прямое влияние на репутацию Иванова. Поскольку трудно воспринимать подборку из стихотворений изолированно от хамской статьи, опубликованной под той же фамилией через несколько страниц.

Для понимания причин, вызвавших рецензию Иванова, стоит немного подробнее остановиться на взаимоотношениях между Г. Ивановым и В. В. Набоковым¹⁰, так как известно, что они враждовали ещё задолго до публикации Иванова в «Числах». По словам А. Арьева, начало этой вражде положила статья Г. Иванова «Почтовый ящик», опубликованная в четвертом выпуске «Цеха поэтов» за 1923 г., заканчивающаяся такой фразой:

Мне говорили, что один агроном так хорошо обучился хорошему тону по руководству Хомушина, что был принят в Вырице за итальянского графа и женился на дочери купца первой гильдии. Будь такое руководство, как знать, какую осанку и манеры приобрели бы наши знакомцы, пишущие стихи в «Руле» или рецензии в «Днях». Еще словарь российских бездарностей с автобиографиями можно бы составить, но это уже монументальная задача, требующая своего Венгерова [Иванов 1923: 72–73].

Первым обратил на этот отрывок внимание А. А. Долинин¹¹. Георгий Иванов, не называя имен, по мнению исследователя, достаточно ясно указывает в этом пассаже на В. В. Набокова, так как именно в Вырице находились имения Набоковых-Рукавишниковых, а также именно в «Руле» постоянно печатался В. Сирин. Однако без прямого указания эти слова, сказанные в 1923 г., все же еще могли соотноситься не с одним Сириным, но и с другими коллегами по цеху. Поворотным моментом стала рецензия Иванова за 1930 г. в «Числах», так как после этой разгромной статьи сомнения отпали полностью, всем стало понятно, что этот «безымянный граф-самозванец 1923 года» в 1930-м г. отождествляется с конкретным Набоковым [Арьев 2007]. Стоит также отметить, что исследователи Набокова считают, что эта

---

¹⁰ Подробнее о войне В. Набокова с Г. Ивановым и «Числами» см. в работах: [Крейд: С.241–252], [Янгиров: 594–618], [Арьев 2007], [Мельников], [Долинин 2004]. Мы же остановимся только на общих вещах, необходимых нам для дальнейшего разговора.

¹¹ Подробнее см.: [Белодубровский, Долинин: 120].

статья была написана Ивановым в ответ за крайне недружелюбный отзыв В. Сирина на «Изольту» Ирины Одоевцевой [Крейд].

Известно, что в частной переписке с разными корреспондентами Набоков и Иванов отзывались друг о друге исключительно предвзято, причем со временем это усиливалось [Арьев 2009: 398]. Уже незадолго до смерти, в 1954 г., Иванов писал Р. Б. Гулю:

Ну, по-моему, Сирин, несмотря на несомненный талант, отвратительная блевотина. Страсть взрослого балды к бабочкам так же противна — мне — как хвастовство богатством и — дутой! — знатностью. «Не те Рукавишниковы» из отрывка в «Опытах». Вранье. Именно те. И хамство — хвастается ливреями и особо роскошными сортирами, доказывает, что заведено все это не на купеческие, а на «благородные» деньги. Читали ли Вы часом мою рецензию в № 1 «Чисел» о Сирине «Смерд, кухаркин сын...»? Еще раз под нею подписываюсь. <...>. Интересно знать Ваше мнение, тошнит ли Вас от Сирина или не тошнит. Мне кажется, что должно тошнить. Черкните два слова не для распространения, конфиденциально. Любопытно (цит. по: [Иванов 1954]).

Рецензия Иванова вызвала яростное осуждение литературного сообщества. Одним из тех, кто оскорбился тоном Иванова, был В. Ф. Ходасевич, который называл статью «непристойной бранью по адресу Сирина» [Ходасевич 1930: 3]. Ответ Ходасевича Иванову, хоть и был краток, произвел сильное впечатление на литературное сообщество, и разошелся на цитаты. Так, Р. Янгиров в работе «“Пример тавтологии”: Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым» отмечает заметку анонимного автора, опубликованную в газете «Руль», в которой перепечатана пространная цитата из статьи Ходасевича [Янгиров: 603].

В том же ключе реагируют на рецензию Иванова о Набокове Слоним и Нальянч. Слоним, который в своем отзыве обращает больше внимание именно на заметку Иванова, как и Ходасевич, писал, что она не резкая и беспощадная, а именно злобная, и этим поэт унижает сам себя [Слоним: 302]. Нальянч же указывал, что непонятна эта рецензия, так как положение поэтов, представленных в «Числах», к которым относится Г. Иванов, весьма сомнительное из-за отсутствия новизны, неудачных образов и слабой техники стиха [Нальянч: 3].

На этом фоне выделяются голоса З. Гиппиус и варшавской журналистки Е. Вебер-Хирьяковой (А. Луганов), написавшей о выпаде Иванова: «Блестящая статья Георгия Иванова о В. Сирине» [Луганов: 3].

З. Гиппиус поддержала статью Иванова в следующем номере «Чисел». В отличие от большинства критиков, она посчитала, что заметка Иванова «сравнительно мягкая» и в прежние времена даже более острые высказывания без каких-либо проблем появлялись в публицистике: «На ум никому бы не пришло сказать, что, положим, “Речь” “запятнала свои страницы” мнением Икса о Л. Андрееве, как о “не очень умелом фокуснике”, а “День” “опозорил себя” мнением Игрека о Чехове, “этой воплощенной неподвижности”» [Гиппиус: 539]. В журнале же «Весы», по мнению Гиппиус, такая заметка Иванова вообще показалась бы «нежным мармеладом».

По мнению исследователя, такое выступление З. Гиппиус было вызвано не только «беспокойством за “свободу мнений”», но и тем, что она была давним литературным врагом В. Набокова [Мельников]. Однако нас в этом сюжете больше интересует то, что намечается очевидная взаимосвязь между оценкой критиками стихов Иванова в «Числах» и их отношением к статье Иванова о Набокове: Луганов единственный, кто и то, и другое оценивает положительно.

Но такое мнение остается одиночным, в большинстве рецензий образ Г. Иванова предстает в сомнительном виде. Его описывают как «злобного», бранящегося не к месту автора, который пользуется «наивностью» редакторов журналов в своих собственных целях, чтобы сводить личные счеты с теми, кто ему не по душе. И публикация подборки стихов под одной обложкой со скандальной статьей неизбежно оказывает влияние и на восприятие этих стихов. И только З. Гиппиус, не говоря о стихах Иванова, встает в его защиту (в скобках добавим, что через год Гиппиус выступит с большой хвалебной рецензией на Иванова, о чем речь пойдет в следующей подглаве).

Следующие тексты Иванова, предваряющие «Розы», вышли в XLII книге «Современных записок» (апрель 1930 г.) — два стихотворения: «Я слышу — история и человечество...» и «Страсть? А если нет и страсти...». На эти стихотворения почти не было отзывов, а если и были, то они не дают какого-либо материала для анализа,

так как в основном критики отзываются о них очень коротко и лаконично. Поэтому мы не будем останавливаться на них подробно.

А вот следующая подборка вновь была длинной. Она вышла в XLIV книге «Современных записок» (октябрь 1930 г.) и состояла из шести стихотворений: «Над закатами и розами...», «Холодно бродить по свету...», «Это только бессмысленный рай...», «Россия, Россия “рабоче-крестьянская...”», «Теплый ветер веет с юга...», «В сумраке счастья неверного». Из них пять вошло в «Розы». На эту подборку нами было найдено всего два отзыва — отзыв В. Вейдле и Г. Адамовича.

Здесь важно отметить, что отобранные для этой подборки стихи наполнены блоковскими мотивами, а также включает эпиграф к одному из текстов, но далеко не ограничиваясь им. Их концентрация в стихах этой подборки оказывается настолько высокой, что возникает иллюзия, что весь этот цикл — несмотря на отсутствие тематического названия или посвящения — рефлексия над судьбой Блока и его творчества. В сборнике «Розы» эти стихи расположены в ином порядке и перемежаются другими текстами, вследствие чего тематическое единство перестает ощущаться. Мы считаем, что эта публикация была сознательным экспериментом Иванова, оставшимся незамеченным критикой. В этом смысле особенно интересна рецензия, вышедшая позже откликов Адамовича, В. Вейдле, который отметил в этих стихах присутствие Блока, но трактовал его как «подражательность» как попытку «декоративного» поэта, нащупать путь к лиризму, что, по мнению критика, не удалось:

Ритмикой своей они подражают на этот раз блоковским стихам из цикла «О чем поет ветер» и эта манера, очень искусно перенятая, вполне соответствует той потребности в усиленном лиризме, которая наблюдалась за последние годы у декоративного стихотворца «Горницы» и «Садов». <...> И сейчас стихи Георгия Иванова остаются слишком розовыми и голубыми, и сейчас в них порхают незримые голубки: может быть потому лирическое содержание их как то и не представляется вполне подлинным [Вейдле 1930: 2].

Все это соответствовало устоявшейся репутации Иванова.

Критик не отрицает высокого мастерства стихов — «Зато с почти неизменным мастерством написаны шесть стихотворений Георгия Иванова», а также «Повторяю однако умения в них очень много» [Там же] — однако, отметим, что даже эта положительная составляющая тоже является сформировавшейся еще в петербургский

период «формулой» восприятия стихов Иванова. Об Иванове как «образцовом» поэте (вкладывая в это понятие негативный смысл) говорил еще Л. Лунц в рецензии на первое издание «Садов» (1921): «в целом стихи Г. Иванова образцовы. И весь ужас в том, что они образцовы» [Лунц: 49].

Отзывы Г. Адамовича — первый в «Иллюстрированной России» (22 ноября 1930 г.) и второй в «Последних новостях» (27 ноября 1930 г., № 3536) — хвалебны. Первый очень краток, что не дает материала для анализа: «Кто стихи любит, тот прочтет их сам. Остальным — все равно никаким разбором, никакой “критикой” ничего не расскажешь и не докажешь» [Адамович 1930б: 22]. Во втором же Адамович считает, что Иванов «находится сейчас в полном “расцвете” своего таланта и пишет свои лучшие стихи», но делает характерную оговорку о том, что «несколько новых стихотворений, более удачных или менее удачных, чем прежние, ничего не изменяют в <его> их облике» [Адамович 1930г: 2].

Таким образом мы видим, что критика на стихотворения 1930 гг., впоследствии вошедших в «Розы», была в основном привычно строгой, удивленных и восхищенных читателей почти нет. На восприятие критиков очевидным образом воздействуют инерция восприятия прежних стихов, готовые «формулы», которыми рецензенты привыкли описывать творчество Иванова, к тому же на репутацию поэта (а значит, и на восприятие его стихов) влияет его скандальная слава критика. Мы видим, что те же стихи критики воспринимают и описывают старыми критериями, не видя большого отличия между ними и стихами петербургского периода, у них пока нет «оптики», чтобы заметить что-то новое в его стихотворениях 1930-х гг. Для того, чтобы переломить эту инерцию, нужно было что-то большее, чем подборка в журнале. Можно предположить, что только, когда стихотворения вышли в составе тщательно собранного сборника и смогли избавиться от публицистического контекста, критика сумела разглядеть нового Иванова.

2.3. Рецепция сборника стихотворений «Розы» в эмигрантской критике

Сборник стихотворений «Розы» вышел в январе 1931 г. тиражом 500 экземпляров, в Париже в издательстве «Родник» [Иванов 2010: 578]. Издательство

«Родник» заявило о себе в 1927 г., а в 1932 г. прекратило свою деятельность. Книгоиздательство специализировалось на публикации произведений современных авторов, например И. Бунина, А. Даманской, Д. Кнута, А. Блока, К. Д. Бальмонта. Также здесь выпускались публицистические книги: З. Н. Гиппиус, К. Р. Кочаровский, И. Бунакова, А. Деникин, Б. Савинков [Быстрова: 169].

На сборник «Розы» всего, по нашим подсчетам, вышло десять рецензий: З. Гиппиус (Антон Крайний) [Гиппиус: 545–551], В. Вейдле [Вейдле 1931], П. Пильского [Пильский 1931], С. Певзнера (Какуак) [Певзнер], Г. Струве [Струве 1931], Н. Рейзини [Рейзини], К. В. Мочульского [Мочульский], Р. Н. Блох (под псевдонимом Р. Ноев) [Блох], С. Л. Полякова (псевдоним С. Литовцев) [Бем], Ю.Терапиано (выступил с устным докладом, реферат которого был позднее опубликован)¹² [Терапиано 1931].

Большинство рецензий были положительными и даже восторженными. Эмигрантская молодежь в целом была очарована этим сборником, что зафиксировано в мемуарах и эпистолярной литературе. Как мы писали выше, большинство критиков сходятся во мнении, что Иванов в «Розах» переродился в настоящего/подлинного поэта. Очевидно, стихи, изданные отдельным сборником и до известной степени изолированные от скандального критического контекста, были лучше восприняты читательской аудиторией. Однако в этом восторженном хоре были и те, кому сборник не понравился — В. Вейдле, С. Поляков и С. Певзнер. Эти рецензенты не увидели принципиальных изменений поэтики Иванова и придерживались «прежней линии» в критике его стихов, как и раньше, отказывая Иванову в оригинальном поэтическом содержании. Показательна в этом отношении рецензия С. Полякова:

Никогда, кажется, люди не владели в таком совершенстве искусством подделывать искусство (цит. по: [Бем: 2]).

В том же духе писал о «Розах» С. Певзнер:

---

¹² Часть этих рецензий перечислены в книге А. Ю. Арьева «Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование» (восемь из десяти), а две – установлены нами: Р. Н. Блох (под псевдонимом Р. Ноев), С. Л. Полякова (псевдоним С. Литовцев).

Розы?! Вернее, выпавшие из старого гербария лепестки, лишённые запаха и цвета. Лепестки блеклые, как далекие воспоминания... <...>

Впрочем, стихи Георгия Иванова можно сравнить с маленькими, искусно сделанными мумиями. Им присущ еле уловимый едкий аромат тления, смешанный с выдыхающимся запахом С.-Петербургских литературных салонов (цит. по: [Арьев 2009: 237]).

Тем не менее, повторимся, большинство рецензентов оценило сборник крайне высоко. И первой в новом, необычном для критики на стихи Иванова, тоне выступила З. Гиппиус, опубликовавшая свою рецензию в четвертом номере «Чисел», в конце января 1931 г. — почти сразу после выхода сборника в печать.

<...> на «есть» и на «нет» все стихи и делятся, без большого, притом, труда <...> Чрезвычайно есть стихи, о которых сейчас я думаю, чрезвычайно есть за ними поэт — Георгий Иванов. <...> Для стихов, которые «есть», не существует ни «новых», ни «старых» слов: таинственная сила гармонии дает каждому его вечный смысл. Книга Георгия Иванова называется «Розы». В течение всех последних десятилетий <...> наши стихотворные «новаторы», даже не совсем плохие, панически боялись «соловьев», «роз» (особенно роз) «голубого» (просто голубого) моря и всего такого. А между тем море осталось голубым, соловьи из поэзии (настоящей) не думали, оказывается, улетать, и розы в стихах Георгия Иванова цветут так же естественно, как на розовых кустах и так же прекрасны, как... вот эти, громадные ноябрьские розовые розы, что стоят сейчас передо мной... [Гиппиус: 547–548].

З. Н. Гиппиус была ключевой фигурой в культурной жизни дореволюционного Петербурга. Она была не только поэтессой и прозаиком, но и хозяйкой литературного салона, общественным деятелем и знаменитым своими бескомпромиссными высказываниями критиком, писавшим под псевдонимом Антон Крайний. Оказавшись в эмиграции, Гиппиус не отказалась ни от роли «властительницы дум», ни от литературного псевдонима, продолжив писать рецензии от имени Антона Крайнего и принимать деятельное участие теперь в эмигрантской литературной жизни. Вместе с Мережковским в Париже она участвует в организации журнала «Новый корабль» (1927–1928), и устраивает у себя знаменитые «воскресения» — журфиксы, во время которых велись оживленные разговоры на литературные и общественные темы. Посетителями воскресений были как уже именитые писатели, так и совсем молодые и неизвестные — объединить и воспитать молодое поколение поэтов Гиппиус считала особенно важным. На «воскресеньях» бывали И. Бунин, Б. Зайцев, А. Ремизов, Н. Тэффи, М. Алданов, С. Маковский, Г. Адамович, И. Одоевцева, Н. Оцуп, Б. Поплавский, Ю. Терапиано, М. Цетлин, В. Злобин, Ю. Фельзен, Н. Бердяев,

Г. Федотов, Л. Шестов, Н. Бахтин, Ф. Степун и др. Одним из принадлежащих к самому близкому кругу «воскресений» был Г. Иванов.

Но все же «воскресения», рассчитанные на относительно близкий круг, не могли полностью удовлетворить амбиций Мережковских. С целью большего распространения своих идей в широком эмигрантском сообществе в 1927 г. они организуют литературно-философское общество «Зеленая лампа», просуществовавшее до самой войны [Федоров: 489]. Первое заседание прошло 5 февраля 1927 г. в здании Русского торгово-промышленного союза в Париже [Терапиано 1953: 47]. «Зеленая лампа» играла важную роль в интеллектуальной жизни «первой волны» эмиграции, объединяла разные поколения и стремилась духовно формировать молодых литераторов. Бессменным председателем собраний был Г. Иванов.

Ключевым событием в истории этого общества был доклад З. Гиппиус, прочитанный ею на втором заседании «Зеленой лампы» (24 февраля). Доклад имел программное название — «Русская литература в изгнании», и в нем Гиппиус проговорила важнейшие, по ее мнению, задачи эмиграции. Разбирая смысл их изгнания, она утверждала, что самая важная вещь, приобретенная писателями вне России, — это свобода, возможная вдали от большевиков, и главная их задача — «выучиться свободе» [Гиппиус: 269]. Ещё почти за год, в 1926 год, в статье «Земля и свобода» Гиппиус также писала о ценности свободы культуры, отмечая, что «если мы, здесь, — не случайное собрание беженцев, а действительные эмигранты, *мы должны сознать наш долг и перед культурой нашей, и перед Россией. <...> только у нас, лишенных земли, — есть свобода*» <курсив наш — К. Е.> [Гиппиус: 138]. Причем в понимании Гиппиус, главное предназначение эмигранта — использовать эту свободу как средство сохранения культуры:

<...> на эмиграции, и лежит сейчас главная ответственность за русскую культуру. <...> Мы никогда не увидим России? В чужую землю нас зароят? Пускай, но пока не зарыли — будем делать наше дело, то, которое нам предназначено, которое именно мы только и можем делать сейчас, ибо только у нас, лишенных земли, — есть свобода. И не для себя будем стараться сохранять и приумножать ценности родной земли, — а для нее. Великая ценность — культура, — вся соткана из свободных веяний духа [Гиппиус: 136, 138–139].

Гиппиус воспринимала эмиграцию как миссию, а литераторов и литературу как ключ к сохранению и продолжению культурной традиции, но с важным дополнением: литераторы не должны отрывать от окружающей их общественно-политической жизни и погружаться в «химически чистого искусство». Для Гиппиус в эмиграции принципиальна гражданская позиция литераторов, так как их главная задача — запечатлеть весь ужас изгнания и катастрофу России [Крыцка-Михновска: 299]:

Если эмиграции задана задача выучиться свободе, так значит, и художникам она задана. И нечего воображать, что обойдешься какой-то фиктивной свободой фиктивного, химически чистого искусства. Эмигрантская литература не существует, поскольку в ней не отражается ни политическая русская катастрофа, ни опыт изгнания. И мы ничего не узнаем о духовной жизни эмиграции по тем писателям, старым или молодым равно, которые «дописывают», «пописывают», «расписывают», «записывают» или «переписывают» [Гиппиус: 273].

Более того, прочность связи литературы с современностью для Гиппиус становится показателем ее художественности: «Художественное творчество, словесное по преимуществу, находится в нерасторгаемой связи со всей сложностью данного исторического момента, и даже так, что чем теснее связь, тем выше творчество» [Гиппиус: 272]. Принципам, изложенным в докладе, Гиппиус продолжает следовать, в том числе, в своей критической и публицистической деятельности начала 1930-х гг. — например, в статьях «У кого мы в рабстве?» (1931) и «Современность» (1933) (подробнее см.: [Крыцка-Михновска: 301]). Продолжение этих идей мы можем наблюдать и в рецензии Гиппиус на сборник стихотворений Иванова. Начав рецензию с высокой похвалы в адрес поэта («Чрезвычайно *есть* стихи, о которых сейчас я думаю, чрезвычайно *есть* за ними поэт — Георгий Иванов»; «Поэзия Георгия Иванова в высшей степени лирична, это главная его черта» [Гиппиус: 547]) она переходит к разговору о его стихах через призму двух своих главных принципов: сохранения традиции при соблюдении условия «современности». И стихи Иванова становятся образцом такого подхода: Иванов пишет о том, о чем традиционно писала русская поэзия, и чего «в течение всех последних десятилетий (о самом последнем не говорю) наши стихотворные “новаторы”, даже не совсем плохие, панически боялись» — о соловьях, розах, голубом море [Там же: 548]. Но создает из них новое произведение, отвечающее запросам современности. Используя «те же, приблизительно, слов<a>», что у Фета, Иванов создает «лирику *нашего* времени <курсив наш — К. Е.>»:

<Казалось бы, что> Фет воспел все весны, все поцелуи, и трели соловьиные, и вечную любовь, и всякую измену, — ничего не оставил и, казалось, «лишь повторенья грядущее сулит». А вот посмотрите, что делается из тех же, приблизительно, слов у другого поэта, тоже лирика в высшей степени, но не фетовского, а нашего времени, — Георгия Иванова [Там же: 549].

Чтобы усилить впечатление о связи Иванова с современностью, Гиппиус вписывает его в круг не только лирической поэзии XIX в., но и гражданской. Она усматривает некрасовские мотивы в одном из стихотворений Иванова:

И к некрасовской лирике, такой совсем особенной (неужели «старой»?) можно немало найти параллелей у лирика наших дней. Хотя бы стихотворение «Россия, Россия... и как не отчаяться...» [Гиппиус: 549–550].

Весь тон рецензии — абсолютно новый для рецензий на стихи Иванова, но важно отметить, что по сути Гиппиус использует ту же традиционную модель описания поэтики Иванова, о которой мы писали раньше — она описывает его стихи через схожесть с другими поэтами. Только если раньше это было способом дискредитации его поэзии, то в статье Гиппиус, — в перспективе новых задач, которые она ставит перед эмигрантской литературой, — эта схема обретает иной смысл. То, что ранее трактовалось как «перепевы», и было свидетельством отсутствия собственного лирического голоса, обретает самостоятельную ценность как способ сохранить и развить культуру, не позволив ей прерваться (как это, по мнению Гиппиус, происходит в советской России¹³).

Мы старались показать, что причина внезапно изменившегося мнения эмигрантского сообщества кроется не в самом творчестве Иванова: еще год назад все те же стихи критиковали за их «вторичность» и «декоративность». Поворотным здесь становится не изменение Иванова как поэта, а изменение критической оптики, которое продемонстрировала Гиппиус в своей статье, как нам кажется, стилеобразующей для

---

¹³ Гиппиус противопоставляет «традиционализм» Иванова неким «стихотворным новаторам», что, по нашему мнению, содержит в себе намек на творчество писателей, сочувствующих советской литературе.

всей последующей критики на поэзию Иванова. Именно эта рецензия, как нам кажется, определяет репутационный слом и задает новый взгляд на поэзию Иванова.

Так, например, Ю. Терапиано — молодой поэт и начинающий критик — отразивший, по собственным словам, в своем отзыве на «Розы» мнение целого поколения эмигрантских поэтов, написал, что главная тема «Роз» — «“Нестерпимое сияние” лирической стихии» [Терапиано 1931: 266]. Почти повторяет логику мысли Гиппиус и Р. Блох, в том числе, говоря о «песенности» Иванова: «Совсем попесенному, просто, настойчиво текут стихи. <...> Тут нет ничего придуманного. Так родилось, так прозвучало, — иначе нельзя» [Блох: 5]. В этом отношении интересно отметить и статьи тех рецензентов, которые остаются в плену старой «модели» и по привычке видят в ценностях Иванова нечто, обедняющее его собственную поэтику. Так, К. В. Мочульский, хоть и хвалит стихи Иванова, но все же не видит в них чего-то нового и также продолжает описывать его через других поэтов, сравнивая лирику Иванова с блоковской: «Лирика всегда — прощание, разлука; лирика — всегда о смерти. Как у Блока: Муза — Прекрасная Дама — Смерть» [Мочульский: 503].

Отдельного упоминания заслуживает рецензия В. Вейдле, о которой мы уже говорили в предыдущей подглаве. Эта рецензия подробно рассмотрена в статье Н. А. Богомолова «Талант двойного зренья» [Богомолов 1999б], и мы не будем пересказывать уже отмеченное исследователем. Но хотели бы добавить, что, возможно, статья Вейдле была вызвана не только прямым раздражением, вызванным чтением сборника Иванова, но и «отраженным» — чтением рецензии Гиппиус. Дело в том, что свое хвалебное вступление Гиппиус иллюстрирует именно тем текстом, в котором Вейдле видит явную цитату из Ходасевича (чему в немалой степени и посвящена его рецензия). Это стихотворение «В глубине, на самом дне сознания...»:

В глубине, на самом дне сознания,
Как на дне колодца — самом дне
Отблеск нестерпимого сиянья
Пролетает иногда во мне.
Боже! И глаза я закрываю
От невыносимого огня.
Падаю в него...

и понимаю,
Что глядят соседи по трамваю

Странными глазами на меня [Иванов 1994: 289].

По мнению Вейдле, точно воспроизводящее приемы, рифмы, основную мысль и эффект перерыва из двух стихотворений Ходасевича — из «В заботах каждого дня...»:

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

И часто, спеша к трамваю
Иль над книгой лицо склоня,
Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю [Ходасевич 1989: 100],

— и из «Перешагни, перескочи...»:

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи [Там же: 139].

«Невнимательность» Гиппиус, пропустившей цитату из Ходасевича, могла особенно неприятно задеть Вейдле, поскольку ещё в 1928 г. в она вступила с ним в полемику по поводу его статьи «Поэзия Ходасевича» (опубл. в кн. 34 «Современных записок»). В ней Вейдле отмечал ориентированность Ходасевича на Пушкина: «Дело в том, что именно Пушкин научил Ходасевича его тону, языку, стиху» [Вейдле 1928: 455]. Однако, по мнению Вейдле:

Ходасевич берет у Пушкина не то, что другие взяли или могли у него взять, не отдельные мотивы <...> и не стилистические возможности <...>, он берет Пушкина всего, целиком, таким, каким он сложился к середине тридцатых годов, и, ни на минуту не отводя от него взгляда, переучивается всему, чему он когда-либо учился: взвешивать мысли, сочетать слова, слагать стихи [Там же: 456].

По мнению Гиппиус, ошибка Вейдле в том, что он «упорно ищет и находит для Ходасевича достойное его место в русской и мировой поэзии», сравнивая его с другими поэтами, что не может выразить трагедии, заключенной в творчестве

Ходасевича. По сути дела, Гиппиус упрекала Вейдле в непонимании поэзии Ходасевича: «В такую трагедию <как поэзия Ходасевича — К. Е.> нужно бы всматриваться иначе, говорить о ней другим голосом. Слишком она сложна...» [Гиппиус: 390]:

А статью г. Вейдле считаю чуть ли не единственным столь внимательно-любовным проникновением к этой поэзии. И не для спора с г. Вейдле хочу я сказать несколько слов о его статье. <...> г. Вейдле от себя, от своего виденья, от своей любви, — вполне прав. Но это не мешает быть правым и мне, — *если я вижу в Ходасевиче что-то большее и что-то иное, чего не видит Вейдле.* <...>

Для меня образ Ходасевича с его поэзией — трагедия <...>. *В такую трагедию нужно бы всматриваться иначе, говорить о ней другим голосом. Слишком она сложна...* [Там же].

Этот упрек Вейдле, вероятно, «возвращает» Гиппиус в своей статье по поводу «Роз» Иванова, не только вставая на защиту Ходасевича (о чем подробно написал Н. А. Богомолов), но и косвенно полемизируя с Гиппиус.

На протяжении всей работы мы пытались показать инертность в интерпретации творчества Иванова, которая осложняла восприятие его поэзии вплоть до выхода нового сборника в 1931 г. С момента выхода рецензии Гиппиус картина меняется. Критик смогла посмотреть на стихи Иванова под другим углом: то, что раньше оценивалось как «вторичность», стало средством сохранения традиции. Иванов, как и раньше, не ищет новых слов (как некие «новаторы»), но использует те, что уже «много раз были использованы», и впервые это интерпретируется как культурная миссия¹⁴. Что, в свою очередь, делает возможной исключительно высокую оценку его стихов: теперь Иванов не «перепевал» Фета, а встал с ним в один ряд.

Безусловно, важную роль в высокой оценке «Роз» сыграло то, что на эти стихи нужно было смотреть не по отдельности, а именно в составе сборника, так как эффект полностью собранного «букета» («Роз») в таком случае становится сильнее (на что

---

¹⁴ Впервые — в отзывах на поэзию Г. Иванова.

влияет и композиция сборника — иная, чем в журнальных подборках), а контекст острых критических высказываний Иванова отходит на второй план.

Заключение

Целью нашей работы было понять, как складывалась репутация Г. Иванова в эмигрантской среде в 1920-е гг., а также, как она изменилась после выхода сборника «Розы» и что в нем оказалось созвучно ожиданиям современников. Для этого мы собрали и описали подборки стихотворений Иванова, опубликованные в 1930 г. в эмигрантских периодических изданиях. Затем мы показали, что большинство из них вошло в вышедший через год сборник, однако реакция критики на журнальные публикации и на сборник очень разнится. Стихотворения, опубликованные в периодике, в целом были восприняты критикой как продолжение прежней поэтики Иванова, в них не увидели новаторства, тогда как сборник перевернул представление об Иванове как о поэте.

В первой главе мы постарались кратко рассмотреть раннюю репутацию Г. Иванова как поэта — с момента публикации первого сборника («Отплыть на о. Цитеру» 1911) в Петербурге до момента отъезда в эмиграцию, где в первые годы Иванов перепечатывает свои старые сборники. Источником материала для нас послужила книга А. Ю. Арьева «Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование» (2009). Исследованные рецензии показали, что до эмиграции в критике успели сформироваться определенные формулы восприятия творчества поэта, которые в дальнейшем будут не раз воспроизводиться рецензентами Иванова.

Эмиграция для Г. Иванова стала новым этапом в жизни. В начале 1920-х гг. он публикует сборник «Лампада», задуманный еще в Петербурге, и перевыпускает старые сборники («Вереск» и «Сады»), после чего почти перестает писать стихи. Поэт теперь ориентируется больше на прозу, он начинает писать «беллетризованные литературные очерки», которые вызывают негативную реакцию литературного сообщества. Важным моментом здесь является то, что именно в эмиграции поэт становится заметен как критик, что в дальнейшем серьезно отразится на его репутации.

В первой части второй главы мы восстановили историю отдельных журнальных публикаций стихов, в дальнейшем вошедших в поэтический сборник

«Розы», и рассмотрели историю отзывов критиков на них. В сборник вошло 41 стихотворение, из которых преобладающее большинство было опубликовано в журналах и газетах 1928–1930 гг. (отдельные тексты были опубликованы ранее). Составленная нами роспись публикаций показала, что наиболее активен поэт был накануне выхода нового сборника, как бы стремясь подготовить аудиторию к нему.

Во второй подглаве мы сосредоточились на двух наиболее значительных публикациях 1930 г.: в «Числах» и «Современных записках». Большинство этих стихотворений вошли в «Розы». Мы проанализировали критические отзывы на эти «мини-циклы» в эмигрантской периодике и пришли к выводу, что критики, вне зависимости от своих эстетических взглядов, не замечают «новизны» стихов Иванова. По нашему предположению, на это влияют два фактора: инерция уже сформированной репутации поэта, а также его скандальная слава критика.

В третьей подглаве мы рассмотрели рецензии на сам сборник и обнаружили, что З. Гиппиус оказывается первым критиком, который в принципиально новом тоне отозвался на стихи Г. Иванова. Высокой оценки Гиппиус были удостоены те стихотворения, в которых, по ее мнению, сохранялась «традиция» при соблюдении условия «современности», что соответствовало требованиям, предъявляемым Гиппиус эмигрантской литературе. Таким образом, отсутствие у Иванова «своего голоса», прежде трактовавшееся как недостаток, стало его преимуществом. Проанализировав все рецензии, мы постарались показать, что статья Гиппиус задала импульс к изменению взгляда критиков на поэзию Иванова.

В рамках настоящего исследования мы проследили как эволюционировала литературная репутация Г. Иванова с момента выхода его первого сборника «Отплыть на о. Цитеру» до выхода критической статьи З. Гиппиус «Литературные размышления: О розах и о другом». Если в начале эмиграции Иванова критики преимущественно относились к нему как к «вторичному» и «декоративному» поэту, пишущему пустые стихи, то с выходом статьи Гиппиус о нем заговорили как о первом лирике эмиграции. Безусловно, на смену отношения непосредственно повлияла эволюция поэтики Иванова, однако, как мы старались показать, не менее важной в этой истории оказывается роль сугубо литературных факторов. В этой связи нам

кажется перспективным продолжить анализ отзывов З. Гиппиус, проясняющих ее позицию, что может стать вкладом в дальнейшее изучение критического дискурса эмиграции в целом.

Список использованной литературы

Источники

1. Адамович 1930а: *Адамович Г.* Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. Париж, 1930. 14 июня. № 25. С. 18.
2. Адамович 1930б: *Адамович Г.* Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. Париж, 1930. 22 нояб. № 48 (341). С. 22.
3. Адамович 1930в: *Адамович Г.* «Современные записки», книга XLII. Часть литературная // Последние новости. Париж, 1930. 15 мая. № 3340. С. 3.
4. Адамович 1930г: *Адамович Г.* «Современные записки», книга XLIV. Часть литературная // Последние новости. Париж, 1930. 27 ноября. № 3536. С. 2.
5. Алданов: *Алданов М.* <Рец. на:> Георгий Иванов. Петербургские зимы. Париж, Книжное дело «Родник», 1928 // Современные записки. Париж, 1928. Кн. XXXVII. С. 526–528.
6. Бахрах: *Бахрах А.* <Рец. на:> Георгий Иванов. Вереск. Вторая книга стихов. Изд. 3. И. Гржебина. Берлин 1923 // Дни. Берлин, 1923. 13 мая. № 161. С. 13.
7. Бем: *Бем А. Л.* Письма о литературе: о безответственности в поэзии // Руль. Париж, 1931. № 3196. 4 июня. С. 2.
8. Блох: *Блох Р. Н. (Р. Ноев).* <Рец. на:> Иванов Г. Розы. Париж, 1931 // Руль. Берлин, 1931. 1 апр. С. 5.
9. Брюсов: *Брюсов В.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1973. Т. 2.
10. Вейдле 1928: *Вейдле В.* Поэзия Ходасевича // Современные записки. Париж, 1928. Кн. XXXIV. С. 452–469.
11. Вейдле 1930: *Вейдле В.* «Современные записки» XLIV // Возрождение. Париж, 1930. 30 окт. № 1976. С. 2.
12. Вейдле 1931: *Вейдле В.* Три сборника стихов // Возрождение. Париж, 1931. № 2109. 12 марта. С. 4.
13. Гиппиус: *Гиппиус З. Н.* Неизвестная проза: В 3 т. СПб., 2002–2003. Т. 2.
14. Гумилев 1912: *Гумилев Н. С.* Письма о русской поэзии // Аполлон. СПб., 1912. № 3–4. С. 99–101.
15. Гумилев 1916: *Гумилев Н. С.* Письмо о русской поэзии // Аполлон. СПб., 1916. № 1. С. 26–32.

16. От редакции: От редакции // Числа. Париж, 1930. № 1. С. 5–7.
17. Иванов 1923: *Иванов Г. В.* Почтовый ящик // Цех поэтов. 1923. Кн. 4. С. 65–73.
18. Иванов 1930а: *Иванов Г. В.* <Рец. на:> В. Сирин. «Машенька». «Король, дама, валет». «Защита Лужина». «Возвращение Чорба» // Числа. Париж, 1930. 13 марта. № 1. С. 233–236.
19. Иванов 1930б: *Иванов Г. В.* Стихотворение // Современные записки. Париж, 1930. Кн. XLII. С. 211–212.
20. Иванов 1930в: *Иванов Г. В.* Шесть стихотворений // Современные записки. Париж, 1930. Кн. XLIV. С. 213–216.
21. Иванов 1930г: *Иванов Г. В.* Стихотворения // Числа. Париж, 1930. 13 марта. № 1. С. 14–18.
22. Иванов 1954: *Георгий Иванов.* Девять писем к Роману Гулю / Публ. Г. Поляка; Комм. А. Арьева // «Звезда». 1999. № 3.
23. Иванов 1994: *Иванов Г. В.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1994. Т. 1.
24. Иванов 2010: *Иванов Г. В.* Стихотворения. СПб., М., 2010.
25. Кузмин: *Кузмин М. А.* О прекрасной ясности // Аполлон. СПб., 1910. № 4. С. 5–10.
26. Лозинский: *Лозинский М. Л.* <Рец. на:> Иванов Г. Отплытие на о. Цитеру. Поэзы. Книга первая. Изд. Егo. СПб. 1912 // Гиперборей. СПб., 1912. Вып. 3. С. 29–30.
27. Луганов: *Луганов А.* «Числа» // За свободу! Варшава, 1930. 23 марта. № 79 (3060). С. 3.
28. Лунц: *Лунц Л.* Цех Поэтов // Книжный угол. Прага, 1922. № 8. С. 48–54.
29. Мандельштам 1987а: *Мандельштам О. Э.* О современной поэзии // Слово и культура. М., 1987. С. 251–253.
30. Мандельштам 1987б: *Мандельштам О. Э.* Утро акмеизма // Слово и культура. М., 1987. С. 168–172.
31. Мережковский: *Мережковский Д. С.* Автобиографическая заметка // Полное собрание сочинений: В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 105–116.
32. Мочульский: *Мочульский К. В.* Розы. Стихи Георгия Иванова // Современные записки. Париж, 1931. Кн. XLVI. С. 501–503.

33. Нальянч: *Нальянч С.* Поэты «Чисел» // За свободу! Варшава, 1930. 28 апр. № 113 (3094). С. 3.
34. Офросимов: *Офросимов Ю.* <Рец. на:> Георгий Иванов. «Сады». Третья книга стихов. Изд-во «Петрополис». 1921 г. // Новая русская книга. Берлин, 1922. Февр. № 2. С. 21.
35. Пильский 1928: *Пильский П.* Петербург перед кончиной // Сегодня. Рига, 1928. 9 авг. № 213. С. 4.
36. Пильский 1931: *Пильский П.* Розы: Стихи Георгия Иванова // Сегодня. Рига, 1931. № 138, 19 мая. С. 8.
37. Певзнер: *Певзнер С.* <Рец. на:> Иванов Г. Розы. Париж, 1931 // Норд-Ост. Рига, 1931. № 5. С. 29–30.
38. Рейзини: *Рейзини Н.* <Рец. на:> Иванов Г. Розы. Париж, 1931 // Новая газета. Париж, 1931. 15 марта.
39. Савельев: *Савельев А.* «Современные записки», книга 42 // Руль. Берлин, 1930. 21 мая. № 2882. С. 2–3.
40. Слоним: *М. Сл.* <Слоним М. Л.> Новый эмигрантский журнал («Числа» № 1. Париж, 1930) // Воля России. Прага, 1930. № 3. С. 299–302.
41. Струве 1931: *Струве Г.* <Рец. на:> Иванов Г. Розы. Париж, 1931 // Россия и Славянство. Париж, 1931. 17 окт. № 151.
42. Терапиано 1931: *А. В.* Вечер Союза Молодых Поэтов // Числа. Париж, 1931. № 5. С. 265–266.
43. Терапиано 1953: *Терапиано Ю.* Нью-Йорк, 1953.
44. Ходасевич 1916: *Ходасевич В. Ф.* О новых стихах III // Утро России. М., 1926. 7 мая.
45. Ходасевич 1930: *Ходасевич В. Ф.* Летучие листы. «Числа» // Возрождение. Париж, 1930. 27 марта. № 1759. С. 3.
46. Ходасевич 1989: *Ходасевич В. Ф.* Стихотворения. Л., 1989.

Исследования

47. Аксенова: *Аксенова А. А.* Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940: Всемирная литература и русское зарубежье. М., 2006. Т. 4. С. 200–205.

48. Арьев 2007: *Арьев А. Ю.* Георгий Иванов и Владимир Набоков: к истории литературной войны // Радио Свобода. 26 нояб. 2007 г. <https://www.svoboda.org/a/423166.html> (25.05.2023).
49. Арьев 2009: *Арьев А. Ю.* Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование. СПб., 2009.
50. Богомолов 1999а: *Богомолов Н. А.* Георгий Иванов и Владислав Ходасевич // Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 376–391.
51. Белодубровский, Долинин: Письма В. В. Набокова к Г. П. Струве. 1925–1931. Часть первая / Публ. Е. Б. Белодубровского и А. А. Долинина; Вступ. заметка и комм. А. А. Долинина // Звезда. 2003. № 11.
52. Богомолов 1999б: *Богомолов Н. А.* Талант двойного зренья // Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 132–167.
53. Быстрова: *Быстрова О. В.* Парижские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): В 4 т. М., 1997. Т. 2, Ч. II. С. 164–172.
54. Витковский: *Витковский Е. В.* Жизнь, которая мне снилась // Георгий Иванов: Собрание сочинений: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 5–40.
55. Гаспаров: *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. М., 2012.
56. ГВИ: Георгий Владимирович Иванов. Исследования и материалы: 1894–1958. Международная научная конференция. М., 2011.
57. Долинин 2004: *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина. СПб, 2004.
58. Зверев: *Зверев А. М.* «Воля России» (Прага, 1920–1832) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): В 4 т. М., 1996. Т. 2, Ч. I. С. 135–152.
59. Коростелев: *Коростелев О. А.* Пафос свободы: Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920–1970) // Библиотека русской критики: В 2 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 3–35.
60. Кочергина: *Кочергина К. С.* Поэтическая саморефлексия В. Ф. Ходасевича: Мифологема мыши и орфический сюжет // Проспект Свободный — 2015:

Материалы науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 2015. С. 45–46.

<https://elib.sfu->

[kras.ru/bitstream/handle/2311/21320/poetika_russkoy_i_zarubezhnoy_literatury.pdf?sequence=1&isAllowed=y#page=45](https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/21320/poetika_russkoy_i_zarubezhnoy_literatury.pdf?sequence=1&isAllowed=y#page=45) (25.05.2023).

61. Кочеткова: *Кочеткова О. С.* Оценка творчества Георгия Иванова в современном литературоведении // Вестник Новгородского государственного университета. Гуманитарные науки: Материалы XVI Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). 2017. № 2 (100). С 29–31.
62. Крейд: *Крейд В. П.* Георгий Иванов. М., 2007.
63. Крыцка-Михновска: *Крыцка-Михновска И.* «Поэтом можешь ты не быть, но человеком быть обязан...»: О призвании писателя в эмигрантской публицистике и литературной критике Зинаиды Гиппиус // Новый филологический вестник. М., 2019. № 3 (50). С. 295–306.
64. Лавринец: *Лавринец П. К.* Истории Виленского содружества поэтов // *Literatūra. Mokslo darbai*. Vilnius, 2002. Т. 44 (2). С. 63–76.
65. Ливак: *Ливак Л.* Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // *Диаспора: Новые материалы*. Париж; СПб., 2002. Вып. IV. С. 391–456.
66. Мельников: *Мельников Н.* «До последней капли чернил...»: Владимир Набоков и «Числа» // *Литературное обозрение*. 1996. № 2. С. 73–82.
67. Николюкин: *Николюкин А. Н.* Гиппиус Зинаида Николаевна // *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940*: В 4 тт. М., 1997. Т. 1. С. 121–125.
68. Орлова: *Орлова М. В.* Литературная критика З. Н. Гиппиус (К вопросу об эстетических позициях) / Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. фил. наук. Коломна, 2006.
69. Петрова: *Петрова Т. Г.* «За свободу!» (Варшава, 1920–1932) // *Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)*: В 4 т. М., 1996. Т. 2, Ч. I. С. 231–240.
70. Раев: *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994.

71. Струве 1996: *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы: Краткий биографический словарь русского зарубежья. Нью-Йорк, 1996.
72. Тименчик: *Тименчик Р. Д.* Иванов Георгий Владимирович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь: В 6 т. М., 1992. Т. 2. С. 377–379.
73. Федоров: *Федоров В. С.* Гиппиус Зинаида Николаевна // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 482–490.
74. Янгиров: *Янгиров Р.* «Пример тавтологии». Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым // Диаспора: Новые материалы. Париж – СПб., 2005. Т. 7. С. 594–618.

**Приложение 1¹⁵. Рецензии на стихотворения Г. Иванова, опубликованные
в журналах «Числа» и «Современные записки» в 1930 г.**

Рецензии на подборку из девяти стихотворений, опубликованную в журнале «Числа», № 1. (13 марта 1930 г.):

М. Сл. <Слоним М.> Новый эмигрантский журнал («Числа» № 1. Париж, 1930)
// Воля России. Прага, 1930. № 3. С. 299–302.
(<https://web.archive.org/web/20230529002353/https://emigrantika.imli.ru/rusparis/382-pom>)

Луганов А. «Числа» // За свободу! Варшава, 1930. 23 марта. № 79 (3060). С. 3.
(<https://web.archive.org/web/20230529002936/https://emigrantika.imli.ru/rusparis/351-pom>)

Ходасевич В. Летучие листы. «Числа» // Возрождение. Париж, 1930. 27 марта.
№ 1759. С. 3.
(<https://web.archive.org/web/20230529003117/https://emigrantika.imli.ru/rusparis/353-pom>)

Нальянч С. Поэты «Чисел» // За свободу! Варшава, 1930. 28 апреля. № 113
(3094). С. 3.
(<https://web.archive.org/web/20230529003304/https://emigrantika.imli.ru/rusparis/354-pom>)

Рецензии на два стихотворения Г. Иванова, опубликованных в журнале «Современные записки», кн. XLII. Апрель, 1930:

---

¹⁵ В приложениях полностью приведены тексты тех рецензий, которые до этого были оцифрованы, но не были распознаны и доступны в интернете в трудно читаемом виде. На остальные тексты дается ссылка (кроме Н. Рейзини, С. Певзнера и Г. Струве – их нет в открытом доступе, однако некоторые фрагменты упоминаются А. Ю. Арьевым, подробнее см. в [Арьев 2009]).

Савельев А. «Современные записки», книга 42 // Руль. Берлин, 1930. 21 мая. С. 3.

(<https://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/kalender/auswahl/date/1930-5-21/27230028/>)

<...> Очень удачны на этот раз стихи, в особенности два маленьких стихотворения Георгия Иванова. Второе из них — подлинный шедевр в своей нарядной простоте и искусной безыскусственности.

Адамович Г. «Современные записки», книга XLII. Часть литературная // Последние новости. Париж, 1930. 15 мая. № 3340. С. 3.

(https://web.archive.org/web/20230529003603/https://imwerden.de/pdf/adamovich_literaturnye_zametki_kniga1_2002_text.pdf)

Адамович Г. Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. Париж, 1930. 14 июня. № 25. С. 18.

(<https://web.archive.org/web/20220307175851/https://librarium.fr/sites/default/files/issues/rusill193025.pdf>)

<...>

Очень хороши стихи Георгия Иванова и Поплавского.

<...>

Рецензии на публикацию шести стихотворений Г. Иванова, опубликованную в журнале «Современные записки», кн. XLIV, 29 октября, 1930 г:

Вейдле В. «Современные Записки» XLIV // Возрождение. Париж, 1930. 30 окт. № 1976. С. 2.

(<http://web.archive.org/web/20230529004211/https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=d&d=vorozhdenie19301030-01&e=-----en-20--1--txt-txIN----->)

<...> Три стихотворения Зинаиды Гиппиус менее хороши, чем некоторые из ее стихов, напечатанных в предыдущей книге: они написаны вокруг или вдоль мысли вместо того, чтобы эту мысль целостно воплотить в себе. Стихотворение Б. Поплавского неудачно, хоть и очень похоже на его удачные стихи. Зато с почти неизменным мастерством написаны шесть стихотворений Георгия Иванова. Ритмикой своей они подражают на этот раз блоковским стихам из цикла «О чем поет ветер» и эта манера, очень искусно перенятая, вполне соответствует той потребности в усиленном лиризме, которая наблюдалась за последние годы у декоративного стихотворца «Горницы» и «Садов». Одна фраза из этого последнего сборника вспоминается, впрочем, и сейчас: «И за голубым голубком розовый летит голубок». И сейчас стихи Георгия Иванова остаются слишком розовыми и голубыми, и сейчас в них порхают незримые голубки: может быть потому лирическое содержание их как то и не представляется вполне подлинным. Повторяю однако умения в них очень много. Жаль, что в одном встречается довольно странная ошибка против русского языка. Читаем:

Счастье наше долгожданное
И другого не бывать.

по-русски надо сказать: другому. Ведь говорили: Москва — третий Рим, а четвертому не бывать. <...>

Адамович Г. Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. Париж, 1930. 22 нояб. № 48 (341). С. 22.
(<http://web.archive.org/web/20220307175902/https://librarium.fr/sites/default/files/issues/rusill193048.pdf>)

<...> Стихи — Зин. Гиппиус, Георгия Иванова и Поплавского. Кто стихи любит, тот прочтет их сам. Остальным — все равно никаким разбором, никакой «критикой» ничего не расскажешь и не докажешь. <...>

Адамович Г. «Современные записки», книга XLIV. Часть литературная // Последние новости. Париж, 1930. 27 ноября. № 3536. С. 2.
(http://web.archive.org/web/20230529003603/https://imwerden.de/pdf/adamovich_1_iteraturnye_zametki_kniga1_2002_text.pdf)

Приложение 2. Рецензии на сборник стихотворения Г. Иванова «Розы» (1931)

Гиппиус З. (Антон Крайний). Литературные размышления: О розах и о другом // Числа. Париж, 1931. № 4. С. 149–157.
(http://web.archive.org/web/20230529004813/http://imwerden.de/pdf/gippius_neizv_estnaya_proza_v_3_tt_tom2_2002_text.pdf)

Вейдле В. Три сборника стихов // Возрождение. Париж, 1931. № 2109. 12 марта. С 4.

(<http://web.archive.org/web/20230529004211/https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=d&d=vozrozhdenie19301030-01&e=-----en-20--1--txt-txIN----->)

Если расположить эти три книги стихов в порядке умения, проявленного их авторами, следовало бы начать со сборника Георгия Иванова. Но если, как это более справедливо, разместить их в порядке большего или меньшего своеобразия, сказавшейся в них поэтической манеры, то придется начать с Поплавского и его «Флагов».

<...>

Георгий Иванов — поэт уже много печатавшийся и по уровню своей уверенности, своего умения, он, конечно, превосходит и Ладинского и Поплавского. Книга его многим подкупает, начиная с технической безукоризненности помещенных в ней стихов и кончая ее весьма изящной внешностью. Внешность эта, правда, немного будуарна, но стихи, на первый взгляд по крайней мере отнюдь не столь розовы и слащавы, как те, что были напечатаны в «Вереске» или в «Садах». Их читаешь и они сразу же нравятся, а многим читателям, вероятно, так и будут нравиться до конца. Лишь постепенно различаешь в них налет какой-то очень тонкой подделки. Снаружи все как будто и очень немногословно, и неукрашено, и лирично, и серьезно, но внутри ощущается все та же прежняя, так ничем и не заполненная пустота.

Хуже всего, что пустота эта прикрывается обыкновенно чужим поэтическим имуществом. Георгий Иванов слишком бесцеремонно заимствует приемы и мотивы у других поэтов, очевидно, у тех, которых он особенно ценит. Вкус его недурен.

Стихотворение, начинающееся словами «В глубине, на самом дне сознания» чрезвычайно точно воспроизводит приемы Ходасевича, даже рифмы (меня, огня, трамваю, понимаю), вместе с основной мыслью заимствованы из «В заботах каждого дня...», а эффект перерыва стихотворения — из «Перешагни, перескочи...»

Другие стихи лучшие свои качества берут у Блока или у Ахматовой. Делается все это очень виртуозно, но заимствования не окупаются никаким собственным внутренним богатством. Нельзя не подивиться увлекательной легкости многих стихотворений и тому искусству, с каким автор дозирует поэтические эссенции, добытые им из чужих стихов, все же в поэтической лаборатории его пахнет не розами, а скорее эфирными маслами. И даже лучшие стихи, «В сумраке счастья неверного...», «Синеватое облако...», «Все розы, которые в мире цвели...» таковы, что хоть и нельзя не одобрить их, не оценить, но и нельзя им до конца поверить.

Рейзини Н. <Рец. на:> Иванов Г. Розы. Париж, 1931 // Новая газета. Париж, 1931. 15 марта.

Блох Р. Н. (Р. Ноев). <Рец. на:> Иванов Г. Розы. Париж, 1931 // Руль. Берлин, 1931. 1 апр. С. 5.

(http://web.archive.org/web/20230529005223/https://dfg-viewer.de/show?id=9&tx_dlf%5Bid%5D=https%3A%2F%2Fcontent.staatsbibliothek-berlin.de%2Fzefys%2FSNP27230028-19310401-0-0-0-0.xml&tx_dlf%5Bpage%5D=5)

«Розы» слово в поэзии избитое, заношенное, слащавое и потому с «хорошим тоном» несовместимое. Невольно задумываешься, когда берешь в руки маленькую белую книжку с красной надписью «Розы». Уж не вызов ли это? Но так спокойно, по-старинному благонамеренно и знакомо улеглись полукругом красные буквы и под ними черными мелкими литерами «Стихи Георгия Иванова», что невольно проникаешься доверием.

Нет, отнюдь не вызовом является эта книжка, и не программой, и не манифестом. Совсем по-песенному, просто, настойчиво текут стихи. «Перед тем, как умереть, надо же глаза закрыть. Перед тем, как замолчать, надо же поговорить». Тут нет ничего придуманного. Так родилось, так прозвучало, — иначе нельзя. Стихи этого сборника внутренне близки и по теме и по тональности. Это все стихи о пустоте, о скуке, об одиночестве, об отказе, уходе, уничтожении, — о смерти. Грусть о напрасной красоте мира, где «деревья легко шумят», растет трава и «старинная яблоня, простодушная яблоня зацветает опять». Элегические мотивы не новы в творчестве Иванова. Они наиболее родственны его музее, созвучны с музыкой его стиха. Мы встречаем их в лучших стихотворениях сборника «Сады». Достаточно вспомнить певучие, напоминающие и Ронсара и Грэя строфы:

Зеленой кровью дубов и могильной травы
Когда-нибудь станет любовников томная кровь,
И ветер, что им шелестел при разлуке: «Увы»
«Увы» прошепчет над другими влюбленными вновь.

Но за десять лет, прошедших со дня выхода в свет «Садов» многое изменилось. Грусть перестала быть стилизованной. Она стала тоской, возросла до настоящей боли. Пышные декорации в восточном стиле, изысканные эпитеты вроде «данного» горизонта, холодное любование картинами старинных мастеров, литографиями, фарфором, натюрморты, пасторали, романтические ландшафты, — все это было раньше, а теперь:

Грустно, друг. Все слаще, все нежнее
Ветер с моря. Слабый звездный свет.
Грустно, друг. И тем еще грустнее,
Что надежды больше нет.

Мир его образов беден до скудости. Звезды, розы, весна, деревья, трава, птицы, корабли, все это не ново, все это хорошо знакомо. Красок мало и они просты. Эпитеты однообразны: «черные ангелы», «черные деревья», «синие», «зеленые» или «ледяные звезды», «мир печальный и прекрасный». Но разве в этом дело? Все эти старые слова да и весь вещественный мир только вежи, — только средство, чтобы мог прозвучать тихий, чистый, полный беспомощной грусти голос:

Страсть? А если нет и страсти.
Власть? А если нет и власти
Даже над самим собой?

Пильский П. Розы: Стихи Георгия Иванова // Сегодня, Рига. 1931. № 138,
19 мая. С. 8.

(https://periodika.lndb.lv/periodika2-viewer/?lang=fr#panel:pp|issue:591251|article:DIVL317|page:8|block:P8_TB00023)

Печальные розы взрастил печальный поэт, — куртина увядания. Над ней склонилась безутешность. Ценность мира разоблачена: все реальное потеряло свою приманчивость, стало постылым, опустошенным и безобманным. Утешение и счастье — в мечте. Успокоение — в иллюзиях нежности, — «все другое только музыка, отраженье, колдовство», — бесплотность. В стихах Георгия Иванова поет усталость, горькое, но и убаюкивающее утомление.

Голову на грудь
Под блаженный шорох моря или сада.
Так и надо — навсегда уснуть,
Больше **ничего не** надо.

Здесь много «ни», «ничего», «никому». Хорошо кануть в сумрак томный,

Ничего, как жизнь, **не** зная,
Ничего, как смерть, **не** помня.

Мир пуст и нем, далек и безотраден.

Рассыпаются слова,
И **не** значат **ничего**.

Благодатная призрачность, «сон в сне» подсказывают один безмятежный и отравляющий вывод, готовят одно настроение:

То, что **ничего не** значит
И **не** знает **ни** о чем —
Только теплым морем плачет,
Только парусом маячит
Над обветренным плечом.

И «**нет ничего** достоверного», «**нет ничего** неизбежного, вечного **нет ничего**»,

и

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего.

Эти две строки — из стихотворения, полного скорби, где все слова — отрицательны («Нет», «нет», «нет», «никого», «ничего», «не может», «не бывать», «не поможет», «не надо»). То же отвержение звучит и в других стихах:

Страсть? А если **нет** и страсти.
Власть? А если **нет** и власти
Даже над самим собой?

В своем отрицательном мирочувствовании Георгий Иванов внушитель и убедителен. Ему веришь. Такие напевы у других могли бы казаться романтической позой, игрой поэта. Георгий Иванов ясен и прям. Его недовольство — искренне и откровенно. Стихи для него — не размеры, не рифмы, не внешнее убранство, не словесная акробатика. Это — исповедь, притом смелая. Георгий Иванов вообще не клеймен робостью. Эта изящная книжка «Розы» раскрывает действительную личность своего автора, не показную гримасу, а подлинную душу, чуть-чуть усталую, слегка капризную, несомненно отравленную желчью, презрением, непоседливостью, ищущую успокоенности, жаждущую обрести тихий берег. Слово «тишина» встречается на многих страницах, и — веет «тихий ветер», стояла «только тишина», — «вечная любовь, вечная весна», и —

Самый чуткий слух
Не услышит час,
Где летит судьба,
Тишина, весна,
Одного из двух,
Одного из нас.

Везде усталость, тени отчаяния, редко жалость, почти всегда грусть и маячит видение смерти. О ней говорит «между черных лип звезда большая», и, хотя «тот блажен, кто умирает» все-ж невольна простая мольба:

«Пожалей меня, подруга
Так ужасно умирать!»

И это потому, что в мире есть еще призрачные, но сладкие утехи, неслышные мечтательные радости:

Увядаьем еле тронут
Мир печальный и прекрасный...

С ним миришься, не закрывая глаз даже на его повторяющееся однообразие.

...Сто лет вперед, сто лет назад,
А в мире все одно —
Собаки лают, да глядят
Мечтатели в окно.

Романтикам жить в нем дано мечтой, и в стихах Георгия Иванова част романтический синий цвет, — «синий вечер», «колыханье синеватых бус», «синий лед», «синее царство эфира», «синеватое облако», «синяя линия бесконечных лесов», «синие звезды» и «синий свет».

А надо всем распростерлась холодная надземная пустыньность, загадочная, нечто «огромное, страшное, нежное, насквозь ледяное, навек безнадежное», —

И вижу вне времени и расстояния,
Над бедной землей,
Неземное сияние.

«Розы» — книжка настоящего поэта. В этих стихах говорит своеобразна, иногда недобрая, но всегда прямая душа талантливого человека, мучающаяся, быть может, мучающая. От жизни этот поэт не принимает воздушных поцелуев.

Певзнер С. <Рец. на:> Иванов Г. Розы. Париж, 1931 // Норд-Ост. Рига, 1931. № 5. С. 29–30.

Мочульский К. В. Розы. Стихи Георгия Иванова // Современные записки. Париж, 1931. Кн. XLVI. С. 501–503.

(http://web.archive.org/web/20220617180317/https://emigrantika.imli.ru/images/pdf/SZ-46_1931-05.pdf)

А. В. Вечер Союза Молодых Поэтов // Числа. Париж, 1931. № 5. С. 265–266.
(<http://web.archive.org/web/20230529010847/https://emigrantika.imli.ru/images/pdf/chisla5.pdf>)

14 марта в Союзе Молодых Поэтов и Писателей состоялся вечер, посвященный выходу в свет книги Георгия Иванова «Розы».

Доклад о книге Георгия Иванова и его поэзии сделал Ю. Терапиано. Вначале докладчик дал краткую характеристику современного состояния поэзии и отношения к ней широких масс. Тоска по «березкам и ручейкам», воля большинства редакций охранять традиции и требовать прежде всего «понятного», вера поэтической молодежи в то, что поэзия призвана разрешить чуть ли не все проклятые вопросы, выразить чуть ли не всю эзотерическую суть мира — все это создало благоприятную почву для развития в эмиграции суррогата поэзии — стихотворного мастерства. Действительно, после революции стали придавать преувеличенное значение понятию «содержания» и впали — в рассудочность, в лучшем случае, в худшем же просто притупили вкус.

А настоящая поэзия, редкая гостья в мире литературных споров об искусстве, вырывает нас из плоскости обсуждений и рассуждений.

Настоящая книга стихов это та, после которой по новому начинаешь воспринимать другие стихи. «Поэзия», говорил докладчик, «входит в нас не умственно, не зрительно, трудно выразить это чувство, но настоящие стихи живут **только** в плане поэзии и совсем им не нужно слов, хотя они и облечены в прозрачную ткань слова. Но только — эти слова — совсем не лучшие слова в лучшем порядке», не образы не, не мысли, не выраженные чувства. Читая настоящие стихи, касаешься какой-то своеобразной, замкнутой в себе жизни и, может быть, самое пленительное в поэзии именно то, что она «для мира» — никакая.

Книга Г. Иванова — «Розы» живет в этом плане. Георгий Иванов прошел сложную школу мастерства и поэтического искусства; он преодолел многое и нашел себя в «Розах». Если первые его книги и тогда уже обращавшие на себя внимание прирожденной поэтичностью, легким, музыкальным напевом его голоса, были не свободны от внешнего умения, в «Розах» мастерство перегорает и поэт достигает непосредственного слияния с поэтической стихией, получает право «стать выше слов», когда

... Касаясь торжества,
Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова
И не значат ничего.

«Розы» внутренним напряжением своим прорываются к центральному творческому моменту:

В глубине, на самом дне сознания,
Как на дне колодца — самом дне,
Отблеск нестерпимого сиянья
Пролетает иногда во мне.

«Нестерпимое сияние» лирической стихии — главная тема «Роз». Оно ведет голос поэта, он как бы преобразился «в глубине сознания» внутренней музыкой — вот почему, куда бы он ни шел, о чем бы, говоря «из мира» он бы ни писал, он всегда соединен со своим внутренним центром. «Главное», — заключил докладчик, «в этом соединении, в этом слиянии. Внешняя тема, воля обратиться туда или сюда, подумать о жизни, подумать о смерти — это ещё от мастерства, это ещё не то. Лишь внутреннее преобразование дает право не считаться с механикой вещей, потому, что поэт в себе самом несет уже начало, оживляющее всякие вещи. Все темы — земля, розы, смерть, отчаяние, любовь, закаты — все будет тронуто неуловимым, но и неизгладимым отблеском внутреннего сияния. В этом — секрет поэзии Георгия Иванова и ключ к “Розам”».

После доклада, Георгий Иванов прочел ряд своих стихов из книги «Сады» и «Розы» и новое, еще не напечатанное, стихотворение о России.

Струве Г. <Рец. на>: Иванов Г. Розы. Париж, 1931 // Россия и Славянство. Париж, 1931. 17 окт. № 151.

Resüme

G. V. Ivanovi luulekogu „Roosid“ (1931) pagulaskriitikas

Käesolev bakalaureusetöö „G. V. Ivanovi luulekogu ‘Roosid’ (1931) pagulaskriitikas“ on pühendatud Georgi Ivanovi kogumiku „Roosid“ retseptsioonile, mis on ilmunud 1931. aastal Pariisis. Töö eesmärgiks oli ammendavalt analüüsida luuletaja reputatsiooni alates tema esimese luulekogu „Lahkumine Kythera saarele“ (1912) ilmumisest „Roosideni“. Lisaks uuriti, kuidas Ivanovi maine muutus pärast kogumiku avaldamist ja mis selles osutus tema kaasaegsete ootustele vastavaks.

Töö koosneb sissejuhatusest, kahest peatükist (esimene peatükk jaguneb kaheks osaks, teine peatükk — kolmeks), kokkuvõttest, kasutatud kirjanduse nimekirjast, lisadest ja eestikeelsest resümeest. Esimeses peatükis vaadeldi G. Ivanovi reputatsiooni tervikuna, alates esimesest luulekogust „Lahkumine Kythera saarele“ kuni 1930. aastate poetiliste tsükliteni. Teise peatüki esimeses osas käsitleti põhjalikult „Roosides“ ilmunud luuletusi, nende avaldamislugu ja kriitikute tutvumist nendega. Teises osas toodi esile kaks suurt 1930. aasta luuletsükli, millest suurem osa luuletusi hiljem lisati „Roosidesse“ ning analüüsiti nende luuletuste suhtes avaldatud kriitikat. Kolmandas osas keskenduti „Rooside“ kogumiku retsensioonidele, eriti rõhutades Z. Hippiuse artikli rolli luuletaja reputatsiooni murdmisel.

Käesoleva uurimuse raames selgus, et enne emigreerumist olid kriitikas välja kujunenud teatud „valemid“ Ivanovi loomingu kirjeldamiseks. Analüüsides kriitikat luuletsüklikele, jõuti järeldusele, et hoolimata oma esteetilisest vaadetest ei märganud kriitikud Ivanovi luuletuste „uudsust“. Seda mõjutasid kaks peamist tegurit: luuletaja juba väljakujunenud maine inerts kui ka skandaalne kriitikuulsus. Seega pagulaskriitikud suhtusid Ivanovisse kui „teisejärgulisse“ ja „dekoratiivsesse“ poeti, kes kirjutas tühje luuletusi. Siiski Hippiuse artikli ilmumisega hakati rääkima Ivanovist kui esimesest pagulaslüürikust. Lisas on töö autorite poolt kogutud retsensioonid Georgi Ivanovi 1930. aasta luuletsüklikele ning „Rooside“ kogumikule. Peaaegu kõik artiklid on avalikult kättesaadavad, kuid neid pole varem kogutud kokku.

Autorsuse kinnitus

Kinnitan, et olen koostanud käesoleva bakalaureusetöö ise ning toonud korrektselt välja teiste autorite panuse. Töö on koostatud lähtudes Tartu Ülikooli maailma keelte ja kultuuride kolledži slavistika osakonna bakalaureusetöö nõuetest ning on kooskõlas heade akadeemiliste tavadega.

Karina Jefimova

Tartus, 29.05.2023

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Karina Jefimova,

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose

«Сборник Г. В. Иванова «Розы» (1931) в эмигрантской критике» / G. V. Ivanovi luulekogu „Roosid“ (1931) pagulaskriitikas

mille juhendaja on Maria Borovikova,

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Karina Jefimova

29.05.2023